

Д Р Е В Н Я Я
РЕЛИГІЯ
С Л А В Я Н Ъ.

Сочиненіе Григорія Глинки,
Профессора Дерптскаго Университета.

Мишава, 1804.

Въ Типографіи у І. Ф. Штефенгагена и Сына.

Е Г О
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ
ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

А в ш о р ъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Не сполько недоспашокъ вѣ запискахъ, ошносящихся до древняго Славянскаго баснословія, сколько неспараніе о развитіи находящихя о семъ предметѣ сухихъ сказаній, по му причиною, что мы не имѣемъ до сего времени системашическаго описанія сихъ боговъ. Бывшіе вскорѣ по просвѣщеніи Христіанствомъ Славянскихъ племенъ писатели имѣли причину мало упоминашь или и совсѣмъ умалчивашь о идолослуженіи, тогда

еще не вовсе изшребившемся, и можешъ бышь многими уважаемомъ какъ вѣру ихъ опцевъ. Но намъ баснословное вѣроученіе розыскивашь, развивашь, и сколько по можно полѣе представишь нѣшъ опасности: ибо сіе повѣсшвованіе для насъ не иное чшо какъ пища любопытства; и естли чшо либо сего важнѣйшее изъ онаго можемъ почерпнушь, шо изъ созданія чловѣкомъ себѣ боговъ, естешвенно по своему образу, шо естш, по своему народному свойству, нравамъ, образу жизни, степени просвѣщенія, и даже дѣяшельности фаншазіи, сея первой произвешпшельницы всѣхъ во всякомъ родѣ вымысловъ, лучше можемъ узнашь умное и нравешвенное обличіе нашихъ родоначалъниковъ. Изображенія, дѣла, самыя даже названія боговъ извѣшнаго народа, сушь сколокъ свойствъ онаго. У Индѣйцовъ, народа кропкаго,

боги крошки и добры; злые же лишены
 власпи, по крайней мѣрѣ не иначе рас-
 проспраняющъ ее, какъ украдкою
 отъ надзирающихъ надъ ними до-
 брыхъ боговъ. Щаспливое Ахайское
 небосклоненіе, веселоспъ нравовъ жи-
 шелей, живое воображеніе, лицеоб-
 разовало *) боговъ и съ ними соеди-
 ненныя ихъ дѣянія, забавными,
 пріятными, а можно думать, и во
 времена идолопоклонства Грековъ, за
 пріятныя и часто полезныя сказки
 почищаемыи. Варварство, царство-
 вавшее въ Тавридѣ, вознесло на спе-
 пень богини Діану, (можешъ бышъ
 шакъ названное Греками божество, и

*) Я не безизвѣстенъ, что Греческіе боги
 начально супъ Финикійскіе, введенные въ
 Грецію порговыми сего народа переселен-
 цами; но баснословная Греческой вѣры
 система совсѣмъ на свой вкусъ передѣла-
 на, какъ то и съ Исторіями взятыми
 отъ другихъ народовъ они поступали.

иначе тамъ именовавшееся) требую-
щую крови спранниковъ. — Разнооб-
разно для каждой на земномъ шарѣ
спранки отверзшыя естественныя
небеса, различныя воздушныя явленія,
раствореніе воздуха, отъ него произ-
ходящее плодородіе земли, какъ въ ко-
личествѣ такъ и въ качествѣ произве-
деній, самый землелогъ иѣхъ спранъ,
присвокупленные къ свойству народа,
способствовали къ соображенію сихъ
мечшашельныхъ существъ. Почему
разсмашривая разсудительнымъ обра-
зомъ баснобожіе древнихъ Славянъ,
уповашельно, что опкроемъ нѣсколь-
ко завѣсы древности, скрывающей отъ
насъ свойство ихъ умоначерпаній объ
окружавшихъ ихъ вещахъ, дальность
познаній, нравы, и хопя нѣсколько,
самый образъ ихъ мыслей.

Описывая произведеніе фаншазіи
или мечшашельности, я думаю, что не

погрѣшу, естли при встрѣчающихся пустошахъ и недоспашкахъ въ ея произведеніяхъ, буду наполнять собственною подъ древнюю спашь фантазією. Правда, стершіяся или слинялыя мѣста въ древнихъ картинахъ, подправленные новыми красками, хошя и на старинную спашь, уменьшающъ цѣну картинъ; но лучше ли ничшо, нежели чшо либо? И не лучше ли Фидіасова Венера съ поддѣланными во вкусѣ сего знаменишаго древняго мастера руками и ногами, нежели когдабъ оспалсь одно шолько ея шуловище, и шо можешъ бышь мѣстами еще выбишое? — — Извѣстно, чшо изправки или коррекціи древнихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей ихъ учинили лучшими; но всѣ ли изправки здѣланы въ попадѣ на Авшорово слово или мысль? и можешъ бышь иные не здѣлали ли подъ видомъ изравокъ ру-

кописи, исправленнымъ самого авшора въ словахъ и мысляхъ, за что бы онъ и самъ въ состоянїи нашелся поблагодарить. — Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазїи древнихъ Славянъ; бродя по нимъ, стану собирать всецѣлыя мечшательныя идеи и малыя ихъ частицы, и сіи послѣднія сообразуюсь ихъ устройству, дополняю маперїалами сего же царства и по законамъ воображенія или мечпанія.

Хотя же происхожденіе боговъ или теогонія Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно бытъ надлежало; однакоже изъ свойствъ боговъ, или лучше, естественныхъ вещей, ихъ дѣяній и явленій можемъ заключить и о мечшаемомъ оныхъ происхожденіи. *Едда* нѣсколько ясно повѣствуетъ о чинѣ, порядкѣ и происхожденіи Цельсїйскихъ боговъ;

изъ Греческой еогоніи родословная оныхъ для всякаго свѣдомѣе, нежели Нѣмецкому молодому барону его собственная. Славяне жили въ сосѣдствѣ съ шѣми и другими, и спанешся, въ своихъ мечпаніяхъ подражали и шѣмъ и другимъ, а можетъ быть и подлинниками въ иномъ обимъ были. И такъ я слѣдуя какъ Греческимъ раздѣлишелямъ боговъ, такъ особенно вникая собственно въ Славянское баснобожіе, и почти изгладившихся касательно сего чертъ доискиваясь, раздѣляю изъ самаго свойства сихъ боговъ на выспреннихъ, преизподнихъ, земныхъ и водныхъ.

I. И такъ въ число превыспреннихъ боговъ пославляю обоженные существа въѣ земли находящіяся, а на оную только показывающія свои дѣйствія, оцущишельныя челоѣку. И таковыя боги будущъ:

Перунъ, движеніе эфира, громъ.
 Златая Баба, пишина, покой.
 Свѣтовидъ, солнце, жизненная шеплоша.

Зничь, начальный огонь, ээиръ.
 Бѣлбогъ, благо и доброе начало.
 Сильный богъ, крѣпкій богъ.
 Дажбогъ, благополучіе.
 Животъ, сохраненіе жизни.
 Ледъ, война.
 Коляда, миръ.
 Усладъ, удовольствіе.
 Лада, красота.

Дѣти ея:

Леля, любовь.
 Полеля, бракъ.
 Дидъ, супружесство.
 Дидилія, дѣшпорожденіе.
 Мерцана, заря, богиня жашвы.

II. Земные шѣ, коихъ свойсшва опвлечены опѣ земныхъ полезныхъ произведеній, для жизненныхъ чело-

вѣка пошребѣ, или шокмо къ удовольствіямъ оныя служащихъ, и копорыхъ они кажешся были покровишелями.

Тригла, земля.

Волось, } боги покровишельспву-
Могошъ, } ющіе скопѣ.

Кулало, земные плоды.

Родомысль, подашель благихъ совѣшовъ.

Сѣва, богиня плодовъ.

Зевана, богиня зѣвроловспва.

Чуръ, богъ межей.

Проне, или *Прове*, богъ прорѣканія.

Родегастъ, богъ спраннопрїимспва и городовъ.

Корсъ, богъ пьянспва.

Ясса.

Позвиздъ, богъ буръ и вѣшровъ.

Догода, зефиръ.

Зимцерла или *Зимшерла*, весна.

Зимерзла, зима.

III. Преизподніе боги, кои изобра-
жающъ собою мѣсць и казнь послѣду-
ющую за беззаконіемъ и порокомъ :

Ній, владычеспвующій надъ пре-
изподними спранами.

Чернобогъ, богъ опмщенія.

Стрибогъ, изшребишель.

Яга баба.

Кикимора, богъ сна.

IV. Водные, коихъ власть прости-
рается надъ водами ; оные сущъ :

Царь Морской.

Чудо Морское.

Русалки.

Водовики, водяные черпи.

Духи :

Лѣшіе.

Домовые.

Спѣни.

Лизуны.

Куды.

Черши.

Бѣсы.

Полубоги или богашыри:

Полканы.

Врлошы.

Славянъ.

Волхвъ.

Волховецъ.

Рудожъ.

Озера обоженныя:

Ильмеръ.

Студенецъ.

Рѣки:

Бугъ.

Донъ.

Впрочемъ къ чистотѣ разсудка Славянскаго народа можеть отнестись то, что ихъ вѣра, изъ многихъ

языческихъ, (не говорю всѣхъ) есть чистѣйшая. Ибо ихъ боги суть естественныя дѣйствія, благошвореніемъ своимъ имѣющія на челоука вліяніе, и служащія къ страху и казни беззаконія, равнобрно какъ природныя свойства и совершенства обоженныхъ.

Сіе проникнувъ шворецъ Владиміріяды, такъ говоришъ въ оной:

Въ чемъ Сѣверъ признавалъ священны
божества;

То были дѣйствія и свойства, Естес-
ства;

Людскія слабости, сердцеъ слѣпая
страсти.

И еще можно бы къ сему было прибавить добрыя и благошворныя дѣянія.

Во всемъ ихъ баснобожїи, нѣтъ ни одного бога, кепораго бы можно было счестъ обоженнымъ челоукомъ, какъ шо мы находимъ у Грековъ, (я не го-

ворю о Римлянахъ, все опъ сихъ занявшихъ), и образцовъ ихъ Финикіанъ, Египтянъ и Ассиріянъ. А сіе должно приписатьъ естественному свѣту ихъ ума, что смертные не могутъ быть безсмертны. Положеніе просное, но, мнился, худо выразумленное народами хвляющимися своимъ просвѣщеніемъ, и нашими во многомъ учишелями. — Впрочемъ, кажется, не неизвѣстно было Всевышнее Существо Славянамъ, Существо всемогущее, всеопшоршее, и словомъ, Богъ боговъ — и Оному-то собственное наименованіе было, *Богъ*. Прочіе же боги были ему какъ бы подчиненные, или больше, лицевобразованныя свойства природы. Богъ, яко подашель свѣта, теплоты, плодородія земли и оживишель природы, названъ *Свѣто-видомъ*; а опвлеченно оный же будеть богъ просвѣщенія и свѣта ума. Богъ

причиняющій громъ, молнію, нарѣченъ *Перуномъ*; онъ же въ опвлеченности, есть богъ устрашающій яростію эфирно-огненныхъ ударовъ, беззаконниковъ. *Бѣль-богъ*, или добрый богъ, есть подашель всякихъ благъ. *Крѣлхій-богъ*, одно изъ свойствъ Вышняго, божество подлинно нравственное. Но все сіе изъ описанія въ особенності каждого бога будетъ видно съ очевидною ясностію. Упомяну только нѣчто о богинѣ *Лады*, и ея дѣтяхъ. Ничего нѣтъ, кажется, оспроумиѣ, какъ чшббы красота, Лада была машерію чешырехъчадъ своихъ; число ихъ полно; прибавишь нечего, но убавленіе несовершенство. У красоты, *Лады*, первый сынъ *Леля*, то есть любовь: за *Лелею* слѣдуетъ второй, *Полеля*, или бракъ; что нравственнѣе, какъ любви бытъ окончиваемой бракомъ; но сего еще не довольно; слѣдуетъ сынъ, богъ

супружней жизни, и оный естъ *Дидо*,
 коего супруга *Дидилія*, богиня дѣшпо-
 рожденія, покровительствуетъ сію
 нескверную жизнь. Нѣтъ ничего пре-
 краснѣе сего семейства; пошому что
 нѣтъ ничего вообще одобреніе, и оно
 естъ самая истинна, въ разныхъ ли-
 цахъ представленная. — Вотъ кар-
 пина, показывающа чшо Славянское
 баснобожіе было разсудительное, боги
 же ихъ изъ ошвлеченныхъ поняшій
 были лицеобразованы, и припомъ час-
 то ошпроумно, и всегда вѣрно. Ешть-
 ли ошнимъ мы баснословныя наз-
 ванія, то нынѣ и мы не иначе мыслимъ
 какъ и предки наши; кажется даже
 чшо сей способъ мыслишь всѣмъ про-
 свѣщеннымъ народамъ общій. Красо-
 та, любовь, бракъ, замужество, дѣ-
 шпороженіе сущъ у всѣхъ челошвовъ
 поняшій и дѣшшвія сцѣпляющіяся.
 Солнце благошворитъ земной природѣ;

громъ наводити въ страхъ; злая Природа, общая людей мать; благость, крѣпость, подаяніе благъ, живошодательство, свыше произтекающія, суть идеи древнихъ, на коихъ они создали храмъ своего многобожія.

БОГИ ВЫСПРЕННІЕ.

П е р у н ъ.

Грозное Славянское божество. Онъ почиался произвешпшелемъ всѣхъ воздушныхъ явленій. Рука его управляла громомъ и молніями. Кажется, что Славянскому Перуну столько же прилично, какъ и Гомерову Зевсу, приложеніе *погонятеля облаковъ*. Сіе божество особенно было почишаемо въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. Въ первомъ, храмъ его сооруженъ былъ на холмѣ надъ

Боричевымъ попокомъ. Г. Херасковъ
въ Владимирѣадѣ такъ описываетъ
сей храмъ:

Сей храмъ, ужасный храмъ, надъ Бо-
ричевымъ покомъ
Стоялъ сооруженъ на холмѣ превысо-
комъ;
Куреній возходилъ передъ кумиромъ
дымъ;
Запекшаяся кровь видна была предъ
нимъ.

И онъ же и въ другомъ мѣстѣ:

Созижденъ высоко Перуновъ гордый
храмъ;
Онъ пѣни разпростеръ далеко по го-
рамъ.
Предъ нимъ всегда горитъ неугасимый
пламень;
При входѣ утвержденъ краеугольный
камень,
И камень гибели народомъ нарѣченъ;
Онъ черной кровію казался опоченъ;

На немъ несчастная па жертва пре-
пела,

Свирѣпости жрецовъ которая питала;

Тамъ смертоносныя оружія висятъ;

Сосуды кровію наполнены стоятъ.

Владимиръ по принятіи надъ Рос-
сіей самодержавія, въ честь сему бо-
жеству соорудилъ многіе храмы. Спо-
явній же надъ Боричевскимъ попо-
комъ, можешъ бышь имъ только воз-
обновленъ и украшенъ, будучи по-
строенъ еще изъ самыхъ древнихъ
временъ. Самое наименованіе сего
ручья не произошло ли отъ опшеческаго
имени Перуна? — Первоселенцы Кіев-
скіе будучи Сарматскаго происхожде-
нія, и пришедши сюда, вѣроятно,
отъ Скандинавскаго полуострова, при-
несли съ собою Цельсійскихъ боговъ.
Боричемъ можешъ бышь назывался
Перунъ, какъ и Одинъ, сынъ Бора,
отъ чего и холмъ и пошокъ или ручей

названы Боричевыми; ибо *Борь* былъ ошецъ боговъ, или лучше ошецъ *Одина*, владыки Скандинавскихъ боговъ. Самые *Цельсійскіе* жрецы утверждали, что они производяшъ отъ сего *Бора*.

Перунъ, въ настоящемъ значеніи сего слова, берется за громовую спрѣлу, или еспешвеннѣ, за молнію, за электрическую спрую, или за громовую искру. Но върояшнѣ кажется, нарицашельное слово получило начало свое отъ собспвеннаго наименованія бога грома. *Перунъ* кажется производяшъ отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, которое на Сарматскомъ языкѣ значашъ всевышнее существо, богъ. *Испуканъ* сего божества былъ здѣланъ не изъ одного вещества. *Спанъ* былъ вырѣзанъ изъ дерева; голова вылипа изъ серебра; а уши и усы изваянны изъ золота; ноги же выкованы изъ желѣза; въ рукѣ

держалъ нѣчто похожее на молнію, копорую предспавляли вмѣстѣ соспавленные рубины и карбункулы. Предъ нимъ горѣлъ неугасимый пламень, за небреженіе коего жрецъ наказывался смертію, состоящею въ сожженіи его какъ врага божества сего.

Въ Владимирѣдѣ онъ описанъ нѣсколько спличіе опъ сего; однакожъ совершенно соотвѣтственно споль высокочшимому божеству.

Сей мрачный храмъ вмѣщалъ ужаснаго
кумира,

На немъ златый венецъ, багровая пор-
фира;

Извитые въ рукѣ перуны онъ держалъ,
Копорыми разилъ во гнѣвѣ угрожалъ.

Златые на челѣ имѣлъ велики роги,

Серебряную грудь имѣлъ, желѣзны ноги;
Горѣлъ рубинами его высокой проиѣ;

И богомъ всѣхъ боговъ именовался онъ.

Изъ сего описанія явствуетъ, что онъ былъ ужасное громомещущее божество: а пошому въ смыслъ нравственномъ беззаконныхъ казнишель и изпребицель. Онъ шакже почитался владыкою между богами, и крѣпкимъ; словомъ, произвешителемъ всего ужаснаго въ природѣ для чловѣка.

Пространный шаръ земный лица его
трепещеть,

Разитъ перунами, онъ молніями блещеть;

Убийство на челѣ, смерть носитъ на
очахъ;

Его вѣнецъ змии, его одежда страхъ.

Владим.

А пошому и жертвы были сообразны съ воображаемыми свойствами царя боговъ. Въ честь ему закалали не шокмо скошовъ, но и плѣнниковъ; а

неисповное суесвяшство обограло руки даже въ крови собспвенныхъ своихъ дѣшей. Суевѣрїе же, по глупости почитаемою сущеспвенною часпїю самого себя ему жершвовало, ш. е. бородою и головными волосами, обривая ихъ.

Изъ посвященныхъ ему вещей, были цѣлые лѣса и роци, изъ коихъ взяше всякаго сучка почиталось достпойнымъ смерти свяшопапшвомъ.

Изключая многихъ странъ и городовъ, въ коихъ были сему богу посвящены божницы, великолѣпнѣйшая была въ Кїевѣ надъ Боричевымъ попомъ, Княземъ Владимиромъ воздвигнушая, или лучше, украшенная. Другая не меньше великолѣпная была въ Новѣгородѣ, копораз сооружена дядею его Добрынею, пожалованнымъ имъ въ Новгородъ Посадникомъ или Намѣшникомъ. Обѣ онѣ получили свой ко-

нецъ по просвѣщеніи Россіи Христіан-
ствомъ, равно какъ и кумиры Перу-
новы, и свержены Кіевской въ Днѣпръ,
а Новгородской въ Волховъ.

Здѣсь приложу я къ шапи опрывокъ
древняго или на древнюю шапъ сочи-
неннаго Гимна:

Боги велики; но спрашенъ Перунъ;
Ужасъ наводитъ тяжела стопа,
Какъ онъ въ предшесствіи молнѣи своихъ
Мракомъ одеянь, вихрьми повитъ,
Грозныя шучи ведетъ за собой.

Спустишь на облакъ — огни изъ подъ
пяпъ;

Ризой махнешъ — побагровѣетъ твердь;
Взглянешъ на землю — вострепещетъ
земля;

Взглянешъ на море — коплонъ закипитъ.
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Спрашне! свой гнѣвъ ты опъ насъ оп-
врапи!

Бросивъ горсть граду во тысячу мѣръ;
Только спутилъ, ужъ за тысячу верстъ;

Лишь опѣ пяты его облакъ зардѣлъ;
 Тяжка спѣна гуль глухой издала,
 Кой горы, море и землю потрясъ,
 И лишь сверкнуло возкраѣе ризѣ. —

З л а п а я М а ш ь.

Какъ Перунъ былъ богъ гнѣвной, такъ прошивно оному Злапая Машь, или иначе, Баба была богинею пишины и покоя. Испуканъ ея былъ здѣланъ изъ золоша въ видѣ женщины; а опѣ сего и наименованіе свое получила, равномѣрно какъ и опѣ свойства приписываемаго ей. На рукахъ она держала младенца, кошпорой почитался ея внукомъ, и опѣ коего названа Бабою, т. е. Бабушкою. Сей внукъ былъ Свѣшовидъ. Во кругъ испукана находилось великое

множесство музыкальныхъ орудій, на
 коихъ во время ея празднества были
 ей воспѣваемы хвалы. Храмъ же ея
 славнѣйшій былъ сооруженъ при рѣкѣ
 Обиго или Обегѣ. Здѣсь она давала оп-
 вѣшы; а попому храмъ сей почиался
 прорицалищнымъ, и былъ въ великой
 славѣ. Она сколько была свято чти-
 ма, что мимо ея испукана никшо не
 смѣлъ пройти, не принесши чего либо
 на жертву, и естли ничего не имѣлъ,
 то по малой мѣрѣ клочокъ опѣ своего
 плащя съ земнымъ поклоненіемъ под-
 носилъ. Сія богиня кажешся была
 поже, что Цельсійская Фригга или
 Фрея, кошорой одной приписываешся
 пророчесство: „Единая Фригга вѣспѣ
 „будущая, но никому сего не откры-
 „ваешъ,“ слова Одина, приведенныя въ
 Еддѣ.

Свѣшвидѣ.

Божество бывшее у Славянъ въ великомъ почитаніи. Онъ имѣлъ на Сѣверѣ два славные храма: одинъ на оспровѣ Ругенѣ въ городѣ Ахронѣ*), а другой въ Холмоградѣ, копорой полагается на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ село Бронницы, на находящемся близъ онаго холмѣ, на коемъ теперь построена церковъ С. Николая.

Испуканъ его былъ здѣланъ изъ дерева величины огромной. Онъ имѣлъ чешыре лица, на каждую спрану свѣша по одному. Бороды не имѣлъ; кудри у него были завишыя; одежда на немъ была коропкая. Въ лѣвой у него рукѣ былъ лукъ, а въ правой рогъ выкованной изъ мешалла. При бедрѣ имѣлъ

*) Явственно что Ругенъ, Ружный былъ прежде названъ; а городъ Ахронъ, Ухронъ произошелъ отъ слова хранить.

превеликой въ серебряныхъ ножнахъ мечь; въ споронѣ висѣли сѣдло и узда коня его, такъ же непомѣрной величины. Сей испуканъ стоялъ по среди храма, завѣшенный великолѣпными краснаго цвѣта занавѣсками. Онъ давалъ отвѣсы чрезъ уста жреца однажды въ годъ. Въ то время сей главный жрецъ входилъ въ святилище сего бога, удерживая свое дыханіе, и при надобности въ ономъ или выходилъ вонъ, или выспавлялъ только изъ святилища голову. Сей единогодный праздникъ отправлялся съ продолжительными торжественными обрядами. Онъ и начинался по окончаніи жатвы, что будешъ въ мѣсяцѣ Серленѣ или Августѣ. И тогда народъ собираясь передъ капище, пригонялъ множество скоша, какъ въ жертву своему богу, такъ и для празднованія сего знаменитаго ихъ праздника. За сушки

до шоржеспвеннаго дня самъ началь-
 ствующій жрецъ выметалъ храмъ
 сего бога. На слѣдующій день жрецъ
 бралъ изъ руки Свѣшповидовой рогъ за
 годъ наполненный виномъ, предска-
 зывалъ о плодородіи слѣдующаго пошому,
 сколько въ немъ убыло; ибо вѣрили,
 что ешъли много изъ рога убыло, то
 годъ будетъ безплоденъ; ешъли же
 мало, то ему надлежало бытъ плодо-
 родну. И сіе вино выливши предъ сто-
 пами Свѣшповида, наполнялъ рогъ сей
 новымъ, и выпивалъ въ честь онаго,
 моля, чшобы даровалъ во всемъ изо-
 биліе, богапшество и побѣду на враговъ.
 Пошомъ наполнивъ сей священный рогъ
 новымъ виномъ, влагалъ въ его руку,
 моляся купно совсѣмъ народомъ; послѣ
 чего приносимы ему были многочислен-
 ныя жершвы ошъ воловъ и овецъ. По
 совершеніи сижъ жершвъ, вносили
 огромной величины круглой пирогу,

здѣланной изъ пряничнаго пѣспа, въ
 коемъ могъ помѣспиться человѣкъ.
 Въ сей пирогъ служитель Свѣсповидовъ
 вошедши спрашивалъ народъ, видяшъ
 ли его? — люди ошвѣспсвовали что
 нѣшъ — тогда обращясь къ Свѣсповиду,
 молилъ его, чтообы на предбудущій
 годъ хотя нѣсколько его увидѣли.
 Здѣсь, кажешся, жрецъ спряшавшись
 въ пирогъ, представлялъ солнце въ
 удаленіи отъ нашего полушарія, или
 зимнее время; и попомъ молилъ Свѣ-
 сповида о его возвращеніи. Поелику не
 только имя, но и всѣ признаки явля-
 юшъ, что сей богъ былъ изображеніе
 свѣшила одушевляющаго нашъ мѣръ.
 Чешыре лица, ешъ чешыре години,
 или времена года. Спрѣлы и лукъ,
 какъ у Греческаго Феба - Апполона, зна-
 чили лучи солнца. Бѣлый конь, ему
 посвященный, знаменовалъ видимое
 движеніе сего благошворнаго свѣшила:

рогѣ въ рукѣ, обиліе повсюду произ-
 шающее отъ его священной шепло-
 шы; мечъ же означалъ его какъ бога
 защитника и покровителя Славянѣ.

Послѣ сего обряда съ великимъ благо-
 говѣніемъ приносили въ жершву мно-
 жество скопа: и тогда жрецъ здѣлавъ
 народу пространное поученіе, поощ-
 рялъ оный къ прилѣжному почипанію
 и жершвованію сему богу: а за сіе обѣ-
 щалъ имъ земное плодоносіе, здравіе,
 побѣду на враговъ на сушѣ и морѣ.
 Иногда же сему идолу приносили въ
 жершву плѣнныхъ своихъ непріятель-
 лей, какъ богу защитнику своему на
 браняхъ; сей безчеловѣчной обрядъ
 отправлялся такимъ образомъ: не-
 вольника (по всему видно, что избъ-
 ранныхъ людей) одевали въ панцырь
 или во всеоружіе; сажали на осѣдлан-
 наго коня, коего ноги привязывали къ
 чешыремъ сваямъ, равно и несчастна-

го *) кѢ лошади, и подложа подѢ оную дровѢ, сожигали ихѢ обѢихѢ. Жрецы увѢряли народѢ, что шаковая жершва прѢяшна СвѢшовиду. Кажешся, что симѢ хопѢли они возбудишь вѢ народѢ вящшую жестокосшь кѢ врагамѢ своимѢ, вѢ коей надеялись пользовашься побѢдами его надѢ ними, приносившими жрецамѢ не малую прибыль; ибо опѢ всякой военной добычи СвѢшовиду на вѢрно приносилась не больше какѢ шрепѢя часшь. Что самое кажешся бышь весьма еспешшвенно, сообра-

*) ЛѢтописцы пишушѢ, что приносили на жершву плѢнныхѢ ХришѢанѢ; но здѢсь важнѢйшее слово плѢнныхѢ; ибо Славяне никогда не помышляли бышь врагами какой либо религѢи; но не разбирая вѢры, сѢ врагами поступали иногда жестокосердо. А какѢ у нихѢ болѢе всего бывали войны сѢ Греками, кои были ХришѢанѢ. и подпавши плѢну иные шрепѢвали отѢ нихѢ сѢе благочешшвное варварштво; по лѢтописцамѢ и возмечшалось, что они жгущѢ ХришѢанѢ, когда сѢи сожигали шолько своихѢ враговѢ и пришомѢ рашныхѢ.

жаясь шокмо съ шогдашними обстоя-
шельсшвами, гдѣ идолопоклонниче-
скіе священники одни имѣли свобод-
ный доспупъ въ таинсшвенное свя-
тилище Наукъ, грубое же невѣжесшво
было общею долею просшонародія; а
по сему вліяніе первыхъ на сихъ по-
слѣднихъ долженсшвовало бышь все-
могущесшвенно, и кошорое не допу-
скало ихъ проникнуть корысшлюбив-
ые жрецовъ виды. По окончаніи
всѣхъ обрядовъ богослуженія и жер-
швоприношенія, народъ начиналъ
ѣсшть, пишь и веселишься. Сей празд-
никъ такъ усердно праздновали, что
шопъ конечно бы вышерпѣлъ смѣя-
ніе и даже ругашельсшво, кшобы не
до пьяна напился.

Свѣшповиду посвященъ былъ бѣлой
конь, на коего никшо кромѣ перваго
жреца не могъ сѣсшть. У сего коня,
даже до волоса, все было свящленно, и

подѣ опасностію потерянїя жизни не позволялось ни изѣ хвоста ни изѣ гривы ни одного выдернуть. Увѣряли, что Свѣшовидѣ ѣздилѣ на ономѣ побѣждашь ихѣ непрїятелей. А сіе подтверждали шѣмѣ, что когда подѣ вечерѣ коня оспаляли вычищеннаго, по утру находили его запошѣлаго и загрязненнаго; изѣ чего заключали, что Свѣшовидѣ ѣздилѣ на немѣ для пораженїя ихѣ сопоспашовѣ. Смотря же попому, больше или меньше была умучена лошадь Свѣшовидова, шаковому и успѣху брани бышь думали. Сей конѣ такѣ же служилѣ прорицашелемѣ, начинашь ли или неначинашь, равно ли хорошо или нещасливо будешѣ продолженїе войны. Для гаданїя спавили предѣ храмомѣ шесть коней по два вѣ рядѣ и вѣ извѣспномѣ распоянїи. Кѣ каждымѣ двумѣ привязывали по копыю поперегѣ такѣ вы-

соко́, какъ шолько лошадь можешъ перешагнушь. Прежде нежели лошадь начинали веспи между копій, жрецъ съ избѣспными обрядами молился Свѣшовиду, чишая многія нарочно для сего сочиненныя молишвы. Пошомъ съ благоговѣйными обрядами бралъ коня за узду и велъ черезъ при поперечныя копя. Еспыли лошадь шагала напередъ чрезъ нихъ правою ногою и пришомъ чрезъ всѣ при незапушавшись, то обѣщали себѣ окончаніе войны самое благополучное. Въ прошивномъ же случаѣ шрепешали о всякомъ нещасшїи; а смопря по сему оплагали и самую войну.

Храмъ Свѣшовидовъ былъ весьма богашъ; ибо сверхъ разныхъ вкладовъ, получалъ онъ изъ военныхъ добычь шрешю часшъ, и шриспа всадниковъ сражаясь собспвенно отъ Свѣшовида, полученную добычу всю ему прино-

силы. Ругенскаго Свѣшовидова храма и истукана его учаспъ была та, что Вальдемаръ, Король Датской, въ 350 году по Р. Х. взявши островъ Ругенъ и городъ Ахронъ, капище раззорилъ и ограбилъ, а истуканъ ободравши, приказалъ разсѣчь и сожечь. Что касается до Холмоградскаго Свѣшовидова храма, то оный одну учаспъ имѣлъ съ прочими идольскими капищами, будучи разрушенъ по возпріятію Россією свяшаго крѣщенія.

З н и ч ь .

Подъ симъ божешвомъ Славяне разумѣли начальный огонь, или живошворящую шеплошу, способствующую къ прсизведенію и сохраненію всѣхъ

существовъ. Славяне о семъ начальномъ и жизнедашельномъ огнѣ были такихъ же мыслей, какъ Парсы или Гебры о своемъ священномъ огнѣ, полагая его оживошворителемъ всѣхъ живыхъ существъ. И въ самомъ дѣлѣ:

Въ адамантѣ онъ блискаетъ,
 Въ яхонтѣ же онъ горитъ;
 Онъ въ холодномъ льдѣ пылаетъ;
 Въ темномъ облакѣ гремитъ.
 Гордыя главы Сибирскихъ
 Вносятъ кедровъ къ облакамъ;
 Въ правкахъ обитаетъ низкихъ;
 Красоту даетъ цвѣтамъ.
 Крѣпость, бодрость въ льва влагаетъ;
 Въ тигра же стремленье, жаръ.
 Все родитъ, распитъ, питаетъ,
 И всему собой самъ даръ.
 Онъ душа природы всей;
 Онъ начало всѣхъ вещей.

Славяне повсюду его видѣли; удивлялись ему; но не будучи Эйлерами, не могли исполковать и объяснить

его: могла ли имъ по ихъ простотѣ и малому просвѣщенію взойти такая тонкая мысль, что эшотъ начальной огонь, начальная шеплоша, есть даже причина самого огня, самой шеплошы; эшо ээиръ? то тонкое вещество, по всей природѣ разліянное, образующее адамантъ и въ немъ находящееся; дающее цвѣтъ розѣ, ростъ кедру; блистающее въ самомъ льдѣ, и коего слабое въ вещи сопрясеніе производитъ шеплошу, а сильное жаръ или разшопляющій оную, или пламенемъ ея пожирающій? — Они подобно другимъ живущимъ въ простотѣ народамъ здѣлали изъ сего непонятнаго для нихъ существа себѣ божество, наименовавъ его Зничемъ.

Теперь спанемъ говорить о семъ начальномъ огнѣ какъ о божествѣ Славянскомъ. Зничъ не имѣлъ ни какого изображенія; но шокмо былъ неугаси-

мо горящій огонь, на подобіе Веснина огня въ Римѣ. Храмы, въ коихъ содержался сей священный огонь, находились во многихъ городахъ. Сей неугасимой огонь получалъ себѣ жершвы, которыя шочно какъ и Свѣшвидовы, состояли изъ части корыстей онѣ непряшеля полученныхъ. Ему жершвовали такъ же и плѣнными. А изъ сего заключишь можно, что дѣйствию Знича приписывали военной жарѣ и храбрость. Къ оному такъ же прибѣгали находившіеся въ тяжкихъ болѣзняхъ, желая получишь облегченіе. Служители Знича, показывая себя воодушевленными или вдохновенными симъ божешвомъ, во имя его немощешвуюющимъ давали опѣшвы, содержащіе въ себѣ средсшва къ излѣченію ихъ. Въ заключеніе приложу изъ Владимиряды описаніе сего божешсшва:

Тогда отважный Зничь, блискающъ весь
изъ внѣ,

Вѣщаль: — — — —

Я хижинамъ свѣщу и озаряю троны;
Во мнѣ сіяетъ Фебъ, сынъ древнѣя Ла-
пѣны.

Во существѣ огня я Россамъ жизнь дарю;
Пишаю, грѣю ихъ, ихъ внутренности зрю.

Б ъ л б о г ъ .

Самое названіе означаетъ его благимъ. На другихъ нарѣчіяхъ Славянскаго языка назывался такъ же *сбльцій-Бугъ*, что значитъ одно и то же самое.

Изображался онъ по крышымъ кровлю, и обсѣвшимъ по оной великимъ множествомъ мухъ, что кажется

было знаменіемъ пшпашеля шварей; вѣ правой рукѣ держалъ кусокъ желѣза *).

Храмъ онѣ имѣлъ на островѣ Ру-генѣ вѣ городѣ Ахронѣ, гдѣ ему, поч-но какъ и Свѣшоеиду, воздавалось почипаніе, особенно же опѣ Славянѣ жившихъ при Варяжскомѣ (Бальшій-скомѣ) морѣ.

Ему не жершвовали кровію; но вѣ чеспѣ его опшправлялись пшры, игры и разныя забавы. Подѣ симѣ божеш-вомѣ наши праопцы разумѣли благо-дѣянія, низпосылаемыя шварямѣ При-

*) Сіе священное желѣзо употреблялось вѣ испы-паніяхъ шакимѣ образомъ. Подозрѣваемому или обносимому вѣ чемѣ ншбудь по разкаленіи до красна давали сей кусокъ вѣ руку, прика-зывая сѣ нимѣ пройти шаговѣ десять. И когда рука оспавалась невредима, шо признанаванѣ былѣ правымѣ; вѣ прошивномѣ же случаѣ обвинялся. Сего рода испытанія про-должались до временѣ Царя Іоанна грознаго. Онѣ были почпши всей Эвропѣ общи, какъ и полевой бой или законные поединки. Изѣ сего видно, что сему богу приписывалось качество правосудія.

родою, сохраняющею ихъ. То правда, что чернь почишала ея ощущаемое, то есть самый испуканъ; но служители или исполкователи ихъ вѣры конечно разумѣли въ смыслѣ опвлеченномъ благость Природы, дщери благаго царя и общаго всѣхъ мїровъ опца.

Сильный богъ.

У всѣхъ древнихъ народовъ шѣлесная крѣпость почишалась даромъ свыше низпосланнымъ: а пошому шаковые люди у Грековъ были полубоги, ш. е. рожденные опцемъ или маперью безсмершною, и обратпо коимъ либо изъ двухъ смершныхъ. Греки ихъ звали героями; что Славяно - Руссы означали

словомъ *богатырь*. Сіе слово, по извѣсненію одного нашего знашюка опечесшвенной Испоріи, естѣ Тапарское *башырь*, и значишѣ силача; можно бы было сему повѣришѣ, естѣли бы прежде сообщенія Русскихъ съ Ташарами оно не было въ упошребленіи; вѣрнѣ же оно сосшавлено изъ Славянскаго *богъ* и Сармашскаго *Тиръ* или *Тираръ* (по его же изшолкованію) пасынокъ; чшо самое какъ названіемъ шакъ и смысломъ ближе къ поняшю богатыря подшодитъ; и я лучше вѣрю, чшо Ташарское *башырь* естѣ Русское перепорченное *богатырь*.

Подъ симъ божешшвомъ чшили Славяне даръ природы шѣлесной, крѣпости; это былъ лицеобразованный Греческой Марсъ или Арей. Изображеніе его было въ видѣ мужа, держащаго въ правой рукѣ дрошикъ, въ лѣвой же серебряной шаръ, какъ бы чрезъ то да-

вая знашь, что крѣпость обладаетъ
всемъ міромъ. Подъ ногами его лежала
львиная и человѣческая головы, по-
елику и ша и другая служашь эмбле-
мою тѣлесной крѣпости.

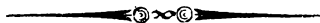

Д а ж б о г ъ.

Сіе божество было такъ же благо-
шворное, подашель всякихъ благъ зем-
ныхъ, богатства, щасія и благопо-
лучія. Жертвовали ему шокмо усерд-
ными мольбами и изпрошеніемъ у него
милости; ибо благошвореніе не тре-
буешъ ничего кромѣ прошенія и при-
нашельности. Г. Херасковъ прилично
именуешъ его въ Владимирѣадѣ — *Даж-*

богъ плодovitый, когда вѣрили, что онъ него получающъ всякія блага, какъ онъ неизсякаемаго источника. Божницу онъ имѣлъ въ Кіевѣ. Онъ служилъ эмблемою благополучія, которое обоготворяли древніе Римляне.

Ж и в о т ъ.

Сіе божество было въ почтеніи у Полянскихъ Славянъ; имя же его означаетъ жизнедашеля или сохранишеля жизни. Это былъ другой Вишну *) Славянской. А какъ и самое названіе Греческаго Зевса или Юпитера произво-

*) Вишну Индѣйское божество сохраняющее; Бримагъ созидающее и Сива разрушающее.

дѣшѣ ошѣ Греческаго слова *жизни*, по не почерпнули ли оба народа первоначальныя понятія о сихѣ существвахѣ изѣ одного начала? — И не преобразили ли Греки своего вѣ существво грозное, когда Поляне имя и соединенное съ онымѣ понятіе, живошохранишеля и живошодавца зберегли? — Сіе божество было у Полянѣ изѣ первоспашейныхѣ, и имѣло свои храмы. Впрочемѣ понятіе о существвѣ живошохранищемѣ кажется мнѣ шонѣе и чище нежели понятіе о богѣ-лѣкарѣ, Апполонѣ ли то былѣ, или сынѣ его Ескулапій. О семѣ божествѣ упоминается шолько вѣ Польскихѣ древностяхѣ; почему его и называю собственнымѣ божествомѣ Полянскихѣ Славянѣ.

Л е д ъ.

Ему Славяне молились о успѣхахъ на сраженіяхъ, и онъ почиался начальспвующимъ надъ воинскими дѣйствіями и кровопролитіемъ. Сіе свирѣное божество предспавлялось въ образѣ страшнаго воина, вооруженнаго въ Славянскую броню или всеоружіе. При бедрѣ мечъ; копье и щипъ въ рукѣ. Сіе божество имѣло свои храмы; война доспавляла ему жершвы. Идучи прошивъ непріятелей своихъ Славяне молились ему, прося о помощи, и дѣлая обѣщанія по побѣжденіи непріятелей принести ему обильныя жершвы. — Вѣрояшно, что сіе божество больше нежели другія первоспепенныя получало кровавыхъ жершвъ; пошому что оно заключало въ себѣ пошншіе кровопролитія, убійства; и въ смыслѣ болѣе почшенномъ, храбро-

спи, безсмертія и мужества. Въ прочемъ древнихъ Славянъ не лзя упрекать челоѳческими жершвами, между шѳмъ какъ мы видимъ древнихъ Грековъ шаковыя жершвы приносившими, и что еще ужаснѳе, жершвовавшими своими однородцами, дѳшми. Обагремой челоѳческою кровію у Германцовъ Ирмензуловъ храмъ, Сирійской Молохъ, Норманскіе камни, доказываютъ, что въ первобышной грубоспи, или по впаденіи въ оную, почти всѳми народами обладало кровавое суесвяшство. Сверхъ сего Славяне (не говоря о всѳхъ поколѳніяхъ, но разумѳя привыкшихъ къ брани и кровопролишю) приносили въ жершву своимъ богамъ шолько враговъ.

Изъ древнихъ лѳшописцевъ видно что за опдаленіемъ отъ храмовъ Леда, чшили его въ мечѳ или саблѳ, вынушой изъ ноженъ и вопкнушой въ

землю, покланяясь ему, и моля его о помощи.

Здѣсь кажешся кешапи упомянушь о Славянскихъ до Рурика бывшихъ богатыряхъ. Древнѣйшій есть Князь Славень. Сіе имя кажешся нарицательное, значащее Славенской Князь, либо собственное, но данное ему опѣ пріобрѣтенной имъ славы; ибо Славяне до него носили свое имя. Дѣпи его, славный *Волхвъ*, воевавшій съ народами обишавшими по берегамъ рѣки Волхова, прежде именовавшейся Мутною рѣкою, и братья его *Волховець* и *Рудотокъ*. Знаменишій *Буривой*, воевавшій съ Варягами (морскими разбойниками, можетъ быть Норманскими, а не Русскими). Мудрой *Гостомысль*, его сынъ, богатырь и законодапель.

Но каковы Славянскіе и Славяно-Русскіе были богатыри, шо видно изъ

слѣдующаго сказочнаго богатырскаго
повѣствованія.

Начинается сказка
 Отъ сивка отъ бурка
 Отъ вѣща коурка
 На честь и на славу
 Отецкому сыну,
 Удалому вишязю,
 Храброму рыцарю,
 Доброму молодцу,
 Русскому Князю,
 Что всякія силы
 Сѣчетъ, побиваетъ;
 Могучихъ и сильныхъ
 Съ коней вышибаетъ;
 А бабу Ягу
 На полати бросаетъ;
 А смерда Кашея
 На привязи держитъ;
 А змѣя Горынича
 Топчетъ ногами;
 И красную дѣвку
 За тридевять морь

Въ тридесятой землѣ
Изъ подѣ грозныхъ очей
Изъ подѣ крѣпкихъ замковъ
На бѣлу Русь увозитѣ.
А выдетѣ ли молодецѣ
Въ чистое поле?
Онѣ свиснетѣ, онѣ гаркнетѣ
Свиспомѣ богатырскимѣ,
Крикомѣ молодецкимѣ:
Ты гой еси конь мой!
Ты сивка, ты бурка,
Ты вѣща коурка!
Ты спань предомною,
Какъ листѣ предѣ шравою.
На свистѣ богатырской,
На крикѣ молодецкой,
Отѣ куда ни возметѣся
Конь сиво-бурой
И сиво-коурой.
Гдѣ конь побѣжитѣ,
Тамѣ земля задрожитѣ:
А гдѣ конь полетитѣ,
Тамѣ весь лѣсѣ зашумитѣ.
На полетѣ конь изѣ рта

Пламенемъ пышетъ;
 Изъ черныхъ ноздрей
 Свѣтлыя искры бросаетъ;
 И дымъ изъ ушей
 Какъ трубами пускаетъ.
 Не въ день и не въ часъ,
 Во едину минушу
 • Передъ вишьземъ спанетъ.
 Удалой нашъ молодецъ
 Сивку погладитъ.
 На спинку положитъ
 Сѣдѣльце Черкасско,
 • Попонку Бухарску,
 На шейку уздечку
 Изъ бѣлова шелку
 Изъ шелку Персидскова.
 Пряжки въ уздечкѣ
 Изъ краснова золота
 Изъ Аравитскова.
 Въ пряжкахъ спенѣчки
 Изъ синя булапа,
 Булапа заморскова.
 Шолкъ не порвѣтся;
 Булапъ не погнѣтся;

И красное золото
Ржаветь не будетъ,
У доброва молодца
Щипъ на груди,
На правой рукѣ перстень;
Подъ мышкою палица
Серебряная;
А подъ лѣвою мечъ
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шанкѣ соколъ.
За плечами колчанъ
Съ калеными стрѣлами.
Въ бою молодецъ
И биецъ и стрѣлецъ:
Не боится меча,
Ни стрѣлы, ни копья.
Онъ садится на бурку
Удалымъ полетомъ;
Онъ ударилъ коня
По крупымъ по бедрамъ
Какъ по твердымъ горамъ.
Подымается конь
Выше темнова лѣсу

Къ туспымъ облакамъ.
Онъ и холмы и горы
Межь ногъ пропускаетъ;
Поля и дубравы
Хвостомъ устилаетъ;
Бѣжитъ и лепитъ
По землямъ, по морямъ,
По далѣкимъ краямъ.
А каковъ доброй конь;
То таковъ молодецъ:
Ни видашь, ни слыхашь,
Ни перомъ описашь;
Только въ сказкѣ сказашь.

Вошъ изображеніе Русскаго богатыря!
Вошъ примѣръ древняго Русскаго
эпическаго стихотворства!

К о л я д а.

Подъ симъ богомъ разумѣли наши предки миръ и соупшсвующее съ онымъ блаженшво; а посему праздни- ки въ честь сему божешву опсправля- лись играми и веселѣмъ. Оные начи- нались въ концѣ мѣсяца *Студеня*, или съ 24 *Декабря*. Зимою можешъ бышь для шого ушпановлены были ему празд- ники, что Славяне никогда въ сѣ го- довое время не воевали, но наслажда- лись покоемъ по военныхъ шрудахъ. Сему присноуюному, веселому, всебла- гому и повсюду разсѣваующему оби- лѣ божешву жершвовали пѣнѣмъ, пляской, играми и разными заба- вами. Праздники же ему посвящен- ные препровождали въ пирахъ и весе- лоспяхъ. Нынѣшнѣя загадыванѣя дѣ- вушекъ о Свяшкахъ, кажешся и шог- да шущешвовали; ибо когда лучше ду-

мать о любви и замужествѣ, какъ не во время отдыха, покоя, наслаждаясь обиліемъ богатой осени? Впрочемъ, сему божеству молилися, прося у него мира, пишины и изобилія въ земныхъ плодахъ и скотѣ. Равно по учиненіи съ непріятелями мира, ему приносилось благодареніе, и праздновали его праздники пирами и веселіемъ. Празднованія нарочныя начинались въ честь ему съ вечера на 25 Спуденя. Остатокъ оныхъ еще и по нынѣ между нами уцѣлелъ. Въ сей вечеръ собираются дѣвушки (индѣ же молодые ребята), и приходя подъ окно къ каждой избѣ поюшъ слѣдующую пѣсню, которая, судя по слогу, кажется бытъ очень древняя.

Вошѣ она:

Виноградѣ красно почему спознать?

Почему домъ Устина Малафее-
вича? *)

У его вошь у двора всё шелкова права,
У его по у двора всё серебряной пынь;
Воропа у него дубовыя;
Подворошенки рыба зубья.

На дворъ у него да при перема:
Въ первомъ перемъ да свѣтѣль мѣсяцъ;
Во второмъ перему красно солнышко;
Въ третьемъ перему часты звѣзды.
Что свѣтѣль мѣсяцъ, по Устиновъ
домъ;

Что красно солнце, по Улипа его;
Что часты звѣзды, малы дѣпушки.
Да дай Боже Устину Малафеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женишь;
Да дай Боже Улипъ Хавроньевнѣ
Съ высока перема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ;
Наша коляда ни рубль, ни полшина,
Наша коляда всего полъ-алпына.

*) На мѣсто сихъ именъ припѣваютъ имена по-
го хозяина и хозяйки, передъ чьими окнами
колядуютъ.

По пропѣтїи сихъ пѣсенъ, колядовщицы получаютъ нѣсколько денегъ, или больше изъ пшеничнаго пѣспа напеченныя бездѣлушки; а молодымъ ребятамъ колядовщикамъ въ иныхъ мѣстахъ выносятъ по ведру или больше пива, которое они сливаютъ въ возимую съ собою бочку.

Всѣ такъ называемыя свяпошныя игры суть останки древнихъ въ честь богу мира празднованій. Въ сіе время дѣвушки гадаютъ о своихъ суженыхъ, т. е. рокомъ опредѣленныхъ будущихъ мужьяхъ свсихъ; псютъ такъ именуемыя по свяшкамъ подблюдныя свя-

*) Такъ названныя отъ блюда, въ которое загадывающія дѣвушки кладутъ какую либо съ себя вещицу, какъ то: перстень, запонку и проч. и покрывъ оное салфеткой, накладываютъ уголь или огарокъ. Послѣ сего по пропѣтїи пѣсни загадывающая вынимаетъ вещь, и чья вынется напередъ, тому пѣтое въ пѣсни збудется. Загадываютъ же обыкновенно о женишьбахъ.

пошныя пѣсни, копорыя я здѣсь для
того не привожу, что они слишкомъ
извѣстны всякому изъ моихъ чита-
телей.

У с л а д ъ.

Радость на челѣ, румянецъ на ще-
кахъ, уста улыбающіеся, увѣнчанный
цвѣтами, одѣтый нерадиво въ легкую
ризу, играющій въ кобзу, и пляшущій
на голосъ оныя, есть богъ веселія и
жизненныхъ наслажденій, спутникъ
Лады, богини пріятностей и любви;

Усладъ прельщающій возрѣніемъ од-
нимъ — —

Владим.

Онъ былъ почишаемъ покровителемъ всякихъ удовольствій и увеселеній. Кажется, что сіе божество начально изображало душевныя и шблесныя удовольствія: но какъ все опвлеченное между народомъ преобразуется въ чувственное и грубое, умственное же въ вещественное, то и Уладъ почишаемъ былъ богомъ роскоши, пировъ, ушбхъ, увеселеній, забавъ и особенно споловыхъ явственныхъ наслажденій, какъ Корсъ пьянства. Человкъ чувственный все любитъ принаровлять къ своимъ спрасіямъ, кои обратно приписываетъ всему извлеченному чувственности и спрасей. Наконецъ скажу, при всякихъ пиршествахъ (въ коихъ точно какъ и въ пищѣ полагалось въ древности все человеческое блаженство) сіе божество было призываемо и умоляемо.

Л а д а.

Леля, Полеля, Дидѣ, Дидилія. Вопѣ прекрасное семейство, каковаго не могло выдумашъ и Греческое игривое-воображеніе! Чшо еспественнѣе, какѣ Красота съ своими дѣшми, Любовію, Бракомѣ или Сочешаніемѣ, Сулружественной жизнию и Дѣшоржденіемѣ?

Богиня красоты и любви всего болѣе чшима была въ Кіевѣ. Владимирѣ до крѣщенія своего будучи влюбчивѣ и повсюду собирая красавицѣ, весьма чшилѣ сію Царицу любви. Снѣ ей воздвигнулѣ великолѣпный и преукрашенный на Горѣ *) храмѣ. Г. Херасковѣ шакѣ оный описываетѣ:

*) Горою разумѣть должно мѣсто, гдѣ стоялѣ старой Кіевѣ: ибо слово Киви по Сарматски значить гору.

Храмъ Ладинъ пестрыми гордящійся
столпами,

Сплетенными изъ розъ обвѣшанъ вокругъ
цвѣтами.

Вогиня отрока держащая въ рукѣ
Являлась въ бисерахъ и миршовомъ
вѣнкѣ:

У ней разпущенны власы подобно зла-
пу;

За благоспи ея цвѣты приносятъ въ
плапу.

Владим. Пѣснь III.

И въ другой (II) пѣснѣ:

И въ немъ (храмѣ) величество небесъ
изображаетъ;

Ступеней семь, и семь вокругъ идола
столповъ. —

Изъ сего описанія Пѣиша видно что
храмъ ея былъ великолѣпный, и мо-
жетъ быть великолѣпнѣе Перунова.

Лада изображалась въ видѣ молодой

прекрасной женщины, въ розовомъ вѣнкѣ; волосы у нее были золопоцвѣтныя; одѣтая въ Русскую одѣжду, опоясанная золошымъ поясомъ и убранныя жемчугами. Она держала за руку младенца, копорой естъ богъ любви или *Леля*.

И злаповласая съ младенцемъ тамо Лада.

Херасковъ.

Служеніе сей пріятной богинѣ было сходственное съ ея свойствами. Ей пѣли въ честь пѣсни и приносили куреніе ароматъ и цвѣтны.

Россійской эпической шворецъ такъ оно описываетъ:

Дѣвицы окружиѣ кумиръ во стройномъ чинѣ,

Со умильнїемъ воспѣли пѣснь богинѣ:

„О! нашей юности хранящая цвѣтны!

„Дай, Лада, мирное супружество намъ пы!“

Маспики передъ ней какъ облакъ воз-
курили

И имя Ладино спокрапно повпорили;
Въ шо время возгремѣлъ кимваловъ,
громкихъ звукъ;

Дѣвицы жертвенны составивъ цѣпь изъ
рукъ,

Когда произвела пріятной голосъ лира,
Плясанье начали при пѣсняхъ вкругъ
кумира.

Приходятъ предъ олтарь и жрица и
жрецы

Носящи для дѣвицъ богинины вѣнцы,
Которыхъ на главы священно возло-
женье

Обязанъ Князь чинить любви во уваже-
нье.

Владимиръ оросилъ, начавъ обрядъ ша-
кой,

И руки и чело священою водой.

Вотъ описаніе служенія богинѣ люб-
ви, не требующее никакого дополне-
нія: пошому что въ другомъ мѣстѣ

авшорѣ Владимира возрожденнаго до-
полнилъ оное такъ:

Краснѣ утренняя зари отпроковицы
Несуть уже цвѣты во храмъ любви
Царицы.

Преображается въ помостъ прекрас-
ный лугъ,

И дѣвы юныя кумира спали вокругъ.

Сіянье чистыхъ звѣздъ онѣ изобража-
ютъ,

Которыя луну блестящу окружаютъ.

Едина между сихъ сіяетъ паче всѣхъ —

— — — — —

Ей первой жребіемъ готовился вѣнецъ,

Который на дѣвицѣ влагаютъ Князь
и жрецъ.

Развивая немногія слова, оспавшія-
ся въ нашихъ лѣтописяхъ о баснобо-
жїи Славянъ, можно заключить, что
сей богинѣ наибольшаго почитанія
въ Кіевѣ почитаніе въ княженіе Вла-
димира до просвѣщенія его божествен-

нымъ свѣтомъ Христіанства. Будучи по словамъ древнихъ лѣтописцевъ женолюбивъ, воздавалъ великую честь богинѣ любви, и можешъ бышь при немъ устаканены обряды служенія, описанные творцемъ Владимиряды; и сіе пошому, что оныя обряды служили ему пособіемъ къ избранію прекраснѣйшихъ изъ дѣвицъ.

Л е л я *).

Божокъ пламенный, рассыпающій или мещущій изъ руки искры. Сила его

*) Слово лелѣяшь, что говорится о нѣженѣ дѣшѣй, или опѣ Лели происходитъ, или вѣриѣ опѣ Лелѣя, какъ младенецъ опѣ сего слова.

сосполяла въ воспламененіи любви. Онъ есть сынъ красоты, какъ и естественна красота рождаетъ любовь. Изображался онъ въ видѣ златовласаго, какъ и мать его, пламеннаго, крылашаго младенца: свойство любви воспламеняетъ. Онъ мешалъ изъ рукъ искры: любовь воспаляетъ сердца не искрами ли какъ бы исходящими изъ очей, изъ устъ прекрасной или лучше любимой (попому что въ языкѣ любви красотою называется что каждому изъ нераздѣлимыхъ въ особливости спрасно нравишся) особы? Безоплучно находился при своей матери: весьма натурально любви всегда бышь при красотѣ; красота всегда производитъ любовь. Онъ старшій сынъ Лады: при соединеніи двухъ половъ любовь все прочее предваряетъ. Впрочемъ Г. Херасковъ даетъ ему по подобію Эроша лукъ и стрѣлы:

Сынъ Ладинъ въ воздухѣ взвивается
 крилами,
 И напрягаетъ лукъ пернапыми стрѣ-
 лами.

Послѣ Любви слѣдуетъ Бракъ, ко-
 торой есть второй сынъ Лады, и име-
 нуется *Полея*.

Полея *).

Второй сынъ богини любви. Всякая
 чистая и на добродѣтели основанная
 любовь влечетъ за собою бракъ. По-
 чему Славяне вымыслили, или лучше,
 испинну прикрыли покровомъ сего вы-

*) Какъ бы слѣдующій по Лелѣ, любви, то есть,
 бракъ.

мысла. Сіе божество улыбающеся
 въ шипковомъ вѣнкѣ, подаетъ рукою
 просперпою шипковой же вѣнокъ, а
 въ другой держитъ рогъ пиція вѣр-
 носпи. Онъ не естъ нагой, какъ
 братъ его, но одетъ въ тонкую ризу
 или рубаху. Сіе божество такъ же
 имѣло свои божницы въ Кіевѣ, хопя
 и въ другихъ мѣстахъ было чшимо.
 Херасковъ такъ его опредѣляетъ:

Поле въ веселостей богиню провождалъ:
 Въ немъ Кіевъ брачные союзы обожалъ.

Дидъ *).

Вопъ прешіе чадо мапері любви,
 жизнь супружня; сей такъ же какъ

*) Дидъ или правильнѣе Дитъ, Дитю, Дитя,
 Дѣня, Дѣтъ, и множ. Дѣши.

и брашья его всегда молодѣ. Пошому чшо супружня связь, напшурою успановленная для размноженія челоѡбческаго рода, не должна ослабѣвашь или спарѣшья. Супруги переспашошѣ бышья супругами шолько шогда, когда жарѣ любви мало по малу угасашѣ: шогда они спановяшья друзьями. Сшо послѣднюю связь разрываетѣ одна шолько смершья. Онѣ одешѣ вѣ полную Славянскую одежду; вѣнокѣ на немѣ изѣ васильковѣ; онѣ ласкаешѣ держа вѣ рукахѣ двухѣ горлицѣ. Сей богѣ имѣлѣ свой вѣ Кіевѣ храмѣ, и ему молился замужнше и женашые о благополучномѣ супружествѣ и дѣшпороженіи.

Дидилія *).

Такъ же изъ семейства Лады. Она почишалась не только покровительницею благополучныхъ родовъ, но и разрѣшительницею неплодныхъ женщинъ. Почему и прибѣгали къ ней для моленія какъ чреватая такъ и неплодная. Испуканъ ея представлялъ молодую прекрасную женщину, имѣющую на головѣ на подобіе вѣнца украшенную жемчугами и камнями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата тылесною, или кулакомъ. Наизнапнѣйшій, сверхъ другихъ, храмъ ея былъ въ Кіевѣ. Сею Богинею окончивается Ладино семейство, изобрѣшеніе коего весьма натурально, полно, вѣрно и прекрасно. Греки дали Венерѣ одного Эроша

*) Какъ бы Дѣшилія или Дѣшодательница.

или Любовь: Гименѣ и Гименей были ей чуждые; а надѣ родами начальствовала Юнона. Но Славянское воображеніе будучи вѣриѣе, хошя и не столько живо и лешуче, соспавило изѣ всѣхъ сихъ одну семью совершеннѣйшую.

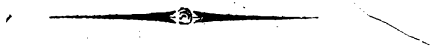

М е р ц а н а.

Подѣ симѣ названіемѣ Славяне разумѣли зарю. Слѣдовательно ей можемѣ придашь тѣ же приложенія, кои Гомерѣ, списывая сѣ природы, прилагаетѣ къ своей зарѣ: онѣ ее называетѣ *рудожелтою зарею*, иногда же *златобагряною*. Оная у него появляется

по два раза въ день. Когда Фебъ выѣзжаетъ на небо: тогда упромъ поднимая мрачный покровъ ночи своими розовыми перстами, показываешъ на малое время свою злашобагрную одежду. Какъ же скоро Фебъ въѣдетъ на небо, то снова скрывается; а въ другой разъ, какъ скоро Фебъ приблизится къ западнымъ вратамъ своего дома, она ему оныя опворивъ и вспрѣпивъ дожидается пока пройдетъ, и до тѣхъ поръ ея злашобагрная риза бываешъ видна, доколь опять не опускишъ она завѣсы ночи. Но Славянская заря при отправленіи сего служенія Свѣшовиду выходитъ иногда ночью рѣзвисься надъ нивами, порхая надъ созрѣвающими классами. И тогда зовушъ ея *зарницею*. А какъ вѣрили, да и теперъ еще вѣряшъ, что зарница способствуетъ къ большому обилію и къ скорѣйшему созрѣванію

жашвѣ; шо и почишлась покрови-
шельницею нивяныхъ плодовъ. А по-
сему молили ея о урожаѣ хлѣба. Приз-
накъ ея, какъ богини жашвѣ, классо-
вой вѣнокъ; какъ заря, румяна и вѣ
злашобагрной одеждѣ, кшторая со-
стоитъ изъ обширнѣйшаго покроба
или фашы, прикрывающей заднѣе пол-
головы, у груди приколотой и про-
спирающѣйся до земли. Сѣя богиня
особенно сельскими жшшелями по-
чишлась.

БОГИ ЗЕМНЫЕ.

ТРИГЛАВА.

Такъ же сокращенно именовалась Тригла. Сія богиня не имѣла храма въ городахъ и селеніяхъ, а находился онъ на поляхъ Кіевскихъ; истуканъ же ея представляялъ женщину о трехъ головахъ. Славяне, кажется, благоразумно поступали, не вмѣщая храма богини, изображавшей землю, среди жилищъ. Три ея главы означаютъ при начала соспавляющія земной шаръ, т. е. земля, вода и воздухъ: ибо существованіе огня полагалось внѣ земли. Сему доказательствомъ служишь Прометей, похищившій огонь съ неба. Нѣтъ ничего лучше сей ихъ догадки, какъ поставишь храмъ земли подъ открытымъ небомъ, поелику самое изображеніе сего храма и богини

значило землю. Сверхъ сего при ея главы могушъ представлять собою горы, долины и лѣса. Въ смыслѣ же опвлеченномъ, богиня сія, кажешся, изображала продолженіе времени, настоящее, прошедшее и будущее.

В о л о с ъ.

По причинѣ пользы, получаемой отъ скоша, коего сей богъ почишался покровишелемъ, послѣ Перуна, бога ужаса, Волосу, подашелю чрезъ сохраненіе скоша великижъ пользъ и благъ людемъ, воздавалось величайшее почипаніе. Самое имя означешъ его велечшимымъ: ибо Велесъ, чрезъ шол-

кованіе слова, значить *велий есть*, ш. е. великій, а *Волось*, володѣющій, ш. е. обладашеть*). Сіе высокое почитаніе къ нему Славянѣ видно въ лѣтописяхъ изъ договоровъ Свяшослава съ Греками, когда въ соблюденіи мира Греки присягали цѣлуя крѣстѣ и Евангеліе, а Свяшославъ, вынувъ изъ ножной саблю, клялся надъ нею *Перуномъ и Велесомъ богомъ скошѣмъ*. Имя Велеса, какъ хранишеля скошовъ, еще и по нынѣ сохраняется въ созвучномъ оному имени *Св. Власія*, или по проспу *Власа*,

*) Волопами или Влахами древнѣе именовали Римлянѣ, какъ обладашелей всей земли (чѣмъ они и сами хвалились). А какъ въ землю Геповъ, кой были Славяне, жившіе на мѣстѣ нынѣшней Волохїи и Молдавїи, Римляне посылали на поселеніе безпокойныхъ воиновъ; по Славяне называя сихъ Волопами, назвали и самую часть заселенной ими земли Волохїею; напрошивъ же того, другому отдѣленію Геповъ дали Римляне прозваніе Мулпянїи. Нынѣшніе Волохи и Молдаване есмь не иное что какъ смѣсь Славянѣ-Геповъ съ Римлянами.

копораго деревенскіе жишели называ-
 юшъ коровымъ богомъ, шочно какъ
 Ст: Егорія, коневымъ и овечымъ. Онъ
 съ бычачьими рогами, въ проспой
 одеждѣ, держишъ въ рукѣ чашу съ мо-
 локомъ: ибо онъ предпочпшительно
 покровишельспвовалъ крупному рога-
 шому скопу. Въ жершву ему приноси-
 лись коровы и быки. Въ Кіевѣ воздви-
 гнушы были ему божнищы; равно-
 мѣрно и въ другихъ городахъ имѣлъ
 свои капища.

Херасковъ говоритъ такъ о семъ идолѣ:

— — и Велесъ пасшвы боѣ.

Что согласуешся съ моимъ описаніемъ.

Могошъ *).

И сей по Нестору есть такъ же богъ скоповъ: однакожъ надобно замѣшнть различіе между Могошемъ и Велесомъ. Первой крупнаго скопа богъ, другой же мѣлакаго, какъ шо, овецъ козъ и проч. А какъ польза опъ мѣлакаго скопа получаемая состоишъ во первыхъ въ цѣкуражъ и потомъ въ мясѣ; шо и изображеніе сего бога будешъ шому соотвѣшственное: съ мошнашой козлиной бородою, съ бараньими рогами, въ шубѣ бараньей на выворотѣ; въ рукахъ палка или паспушій посохъ, а въ ногахъ у него можешъ положенъ бышъ барашкъ. Сей богъ такъ же

*) По разности произношеній, Мокошъ называется Макошъ, Мокосль, что все изтолковывается словомъ Могушъ.

имѣлъ по городамъ свои храмы; а почитаемъ былъ всего болѣе поселянами.

Купало.

Веселый и прекрасный богъ, одетый въ легкую одежду и держащій въ рукахъ цвѣшны и полевые плоды; на головѣ имѣющій вѣнокъ изъ цвѣшковъ купальницъ, богъ лѣша, полевыхъ плодовъ и лѣшнихъ цвѣшковъ, *Купало* *). Онъ

*) Имя сіе происходитъ отъ купа, кустъ, которой въ Славянскомъ языкѣ увеличительно называется купина. Купа (масса) происходитъ отъ сего слова: ибо прежде дано шаковое названіе кусту, а отъ него уже сравнительно съ совокупнымъ множественнымъ прутьевъ или стволонъ его, дали названіе купы собранію однородныхъ вещей.

почищается прешьимъ по Перунѣ и
 вшорымъ по Велесѣ: ибо по скопо-
 водствѣ земные плоды всего болѣе слу-
 жають къ содержанію и продовольст-
 вію челоѳческой жизни, и соспавля-
 ють его обиліе и богатство. Мерца-
 на любила нивы, слѣшая ночью на
 она, играя и резвясь надъ ними, а
 можеть и съ самыми классами, лю-
 бимѣйшими ея распѣніями, копо-
 рыхъ созрѣванію способствовала: сіе
 же самое божество пеклось о изобиліи
 и благополучномъ созрѣніи всякихъ
 полевыхъ произрашеній. Вѣроятно,
 что по приведеніи въ зрѣлость клас-
 совъ, Мерцана ихъ оставляла, и пре-
 поручала дальнѣйшее о нихъ попеченіе
 Купалѣ. И онъ-то долженъ былъ со-
 хранять ихъ отъ непогодъ, сильныхъ
 вѣтровъ, и покровительствовать зем-
 ледѣльцамъ собирающимъ ихъ. Или,
 поелику Мерцана только ночью сходи-

ла для любованья ими, по спанешся, что дневное попеченіе бралъ на себя Купало. Какъ бы то ни было, но самыя жершвы приносившіяся ему предъ начатіемъ жашвы доказываютъ, что онъ сверхъ другихъ полевыхъ произведеній покровишельствовавалъ такъ же и нивянымъ.

Празднованіе ему установлено было мѣсяца Червеца 23 и 24 дня *). Тогда молодые люди обѣихъ половъ въ вѣнкахъ и опоясаніяхъ (гирландахъ) изъ купальницъ и другихъ цвѣшовъ во кругъ расположеннаго огня при пѣннн пѣсень плясали, почасу чрезъ оный перескакивая. Пѣсни же сіи были или въ честь Купалъ, или въ оныхъ припѣвалось только его имя.

* Червецъ, получившій такое свое названіе отъ размножающихся тогда червей или молодыхъ насѣкомыхъ, соотвѣтствуетъ нашему Іюню мѣсяцу,

Таковыя пѣсни еще и по сіе время по нѣкоторымъ деревнямъ и селамъ продолжаются. По воспріятіи Россією Христіанской вѣры прошло болѣе восьми сотъ лѣтъ, и совѣмъ нѣтъ слѣды древняго баснобожія все еще не могутъ изгладиться: сполько чловѣку любезны боги образованные имъ по своему подобію, спрасьямъ и нравамъ!

Р о д о м ы с л ь.

Божество Славянъ Варяжскихъ, покровитель законовъ, податель благихъ совѣтовъ, мудрости, красныхъ и умныхъ рѣчей. При началіи град-

скихъ совѣщаній или сходокъ, относящихся къ благоденствію града, или къ опроверженію угрожающей общей напастю, ему молились, принося жертвы. При всякомъ важномъ предпріятіи, пребывающемъ мудрости, Родомыслъ былъ призываемъ. Сіе божество имѣло въ городахъ при Варяжскомъ морѣ свои храмы. Исшуканъ его представлялъ челоуѣка въ размышленіи, упершаго въ лобъ указательнымъ перстомъ правой руки; въ лѣвой же рукѣ щипъ съ копьемъ. Сіе божество кажется бытъ тоже, что у Цельшовъ Биддеръ, богъ мудрости и красноречія.

С Ъ В А. *)

Собственно богиня осени и садовых плодовъ. Изображалась въ видѣ нагой женщины съ полными сосцами, имѣющей волосы висящими до подколѣнокъ, и держащей въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣвой гроздь. Суевѣрие, дѣлавшее себѣ изъ всего боговъ, изъ благорасшворенія воздуха, умѣренности погодъ, и обыкновеннаго плодоноснаго года, образовало себѣ особенное божество, будто бы благословлявшее сады его и огороды, и оному молилось и просило его о покровительствѣ. Впрочемъ изображеніе сей богини остроумно. Нагота ея изображаетъ соспаніе природы въ плодотворную часть года; полные сосцы и длинные волосы, общую всѣхъ шварей пиша-

*) По разности произношенія выговаривалась, Сива, Сиба, Дзива, п. е. дѣва.

пельницу во всемъ преизобилующую; яблоко служивъ эмблемою мащери нѣжащей милыхъ чадъ своихъ, гроздь же упоевающей всѣхъ роскошью. Сѣва была божествомъ не только плодовъ садовыхъ, но и самаго времени ихъ поспѣванія, осени. Она особенно почиталась оимъ Славянъ жившихъ при Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ.

З е в а н а.

Богиня звѣриной ловли. И подлинно Славянамъ жившимъ почти во всей Россіи среди лѣсовъ, и промышлявшимъ ловлею звѣрей, сія богиня была послѣдней важности. Векши (векоши и ногашы) и куницы (куны) соспав-

ляли въ древности не только ихъ одежду (здѣсь говорится о Славянахъ Древлянскихъ, т. е. жившихъ по лѣсамъ) но еще и вмѣсто ходячей монеты употреблялись *). Сія богиня изображается въ куньей шубѣ, кошкою верхъ покрытъ бѣличьими шкурками. Сверху надета вмѣсто эпанчи кожа медвѣдя, кою голова служилъ вмѣсто шишака. Въ рукахъ лукъ натянутый съ тупой стрѣлою или капканомъ; подлѣ нее положены лыжи и бичые звѣри, такъ же рогашина и ножъ. Въ ногахъ лежатъ со-

*) Обиліе въ звѣряхъ и недостатокъ въ дорогихъ металлахъ, заставило употреблять шкурки звѣрей вмѣсто монеты. 20 бѣличьихъ шкурокъ равнялись одной куньей; а 20 куньихъ соотвѣтствовали гривнѣ, т. е. 1 фунту серебра. Потомъ серебро такъ возвысилось, что $7\frac{1}{2}$ ф. или 150 кунь, что будетъ 3000 вѣкошь, стоило 1 фунтъ серебра; въ послѣдствіи времени платилось за гривну или 1 ф. серебра по 120 гривенъ кунами, или по 2400 кунь, что составилъ вѣкоюй 48000.

бака. Сей богинѣ молились ловцы, прося у нее щасія въ звѣроловствѣ. Храмы ей сооружены были въ лѣсахъ. Въ честь ей приносилась часть добычь получаемыхъ охотою.

Ч у р ъ.

Почитался богомъ межей. Онъ не имѣлъ храмовъ; но былъ божество умственное. Его просили о сохраненіи межей на поляхъ. Въ разсужденіи виду, можетъ быть не представляли ли его камни положенные для опредѣленія между полями границъ? Слово чуръ и нынѣ употребляется, означая воспященіе какого либо дѣйствія. Сіе слово у колдуновъ шайнственное,

кѣимъ они призваннаго чорта опячь прогоняють *). Въ заключеніе скажу, что я не ручаюсь за свое словопроизведеніе: я намѣкнулъ только мою догадку: а догадка для сего не есть еще самоиспинна.

Провѣ.

Онъ же именуется и *Проно*. Сіи оба слова имѣють сходныя между собою значенія. *Провѣ* или *Провѣшъ*, провѣщающій, пророчеспвующій: *Проно* же

*) Явспвенно, что я, писавши басни, не говорю о знаніи колдуновъ, какъ о чемъ нибудь существенномъ, и такъ же не выдаю за дѣйствительное сообщеніе ихъ съ духами, вымышленное и сплетенное ими на свою спашь; но только какъ вѣривъ чернь сему ихъ обману, принимая то за самую испинну.

опшъ слова прознашь, ш. е. предвѣдашь, или проникнушь. Почипаемъ былъ Прове Вендскими и Померанскими (ш. е. поморскими, приморскими, поморянскими) Славянами. Они его щипали впорымъ по Свѣшовидѣ, коему воздавали величайшее почипаніе. Испуканъ сего божества споялъ на высокомъ густолиственномъ дубѣ, предъ копорымъ посназвался жершвенникъ для жершвоприношеній; вокругъ же дуба усѣяно было по земли двуликими, шреликими и чешвероликими болванами. Кажешся что подъ симъ божествомъ Славяне разумѣли предопредѣленіе, управлявшее мїромъ и распоряжавшее будущимъ. Впрочемъ, не жрецъ устами бога предсказывалъ, но думали что самъ Прове вселяясь въ жреца, говорилъ его устами. Ему приносили въ жершву плѣнныхъ: по закланіи, жрецъ почилъ

кровь ихъ въ чашу и прикушивалъ; а отъ сего и вѣрили, что онъ получалъ чрезъ то большую силу къ предсказанію. По окончаніи жершвы, и полученіи благопріятнаго предрѣченія, кумирообожатели начинали ѣсть, пить и веселились.

Р а д е г а с т ь.

Былъ обожаемъ такъ же Варяжскими Славянами. Онъ почиался защитникомъ городовъ. Испуканъ его былъ на подобіе Варяжскаго Славянина, вооруженнаго копьемъ, держащаго въ лѣвой рукѣ щипъ съ изображеніемъ на немъ воловѣй головы; въ шлемѣ, на коемъ представленъ былъ пѣшухъ съ распроспертыми крыльями. Всѣ сіи

признаки означающѣ въ немъ блюстителя города: копье, поразишеля враговъ; щипъ, градопокровителя и защитника; воловья голова, силу и крѣпость; пѣшухъ, бодрость и бдѣніе въ сохраненіи городовъ, копорые у старинныхъ Славянъ (почно какъ у Грековъ и Италіанцовъ древнихъ) составляли каждой въ особенности особенное общенародіе или Государство. Радегастъ, какъ и самое имя его объясняющъ, значилъ поразишеля непріятелей *). Ему сверхъ другихъ жершвъ, приносили кровь человѣче-

*) Госль въ старину по разности временъ и мѣстъ имѣло различное значеніе: а) госль значилъ морскаго набѣдника, какъ по и Несторъ о семъ говоритъ, что обитавшіе при Варяжскомъ морѣ назывались: Вагри (морскіе разбойники) или гости, (откуда враги или предони, разбойники) или Лющїи, злые, что все одно и поже; б) Гости, прѣѣзжіе купцы; в) торгующіе общомъ; г) и нынѣ госль имѣетъ два разныя значенія, пощипшеля и торгующаго общомъ.

скую. Будучи равнобѣрно почи-
 шаемъ прорицашелемъ чрезъ жре-
 ца, долженъ былъ удѣлять часть
 варварской жершвы своему служи-
 телю, который по выпоченіи изъ
 несчастнаго жершвуемаго крови его,
 оную прикушивалъ, какъ бы чрезъ то
 сообщаясь съ богомъ. По окончаніи
 жершвы и предсказанія, начинался об-
 щественной пиръ, послѣ котораго
 играли на музыкальныхъ орудіяхъ и
 плясали. Здѣсь замѣшимъ мы однаж-
 ды на всегда о всѣхъ при Варяжскомъ
 морѣ обитавшихъ Славянахъ, что
 боги ихъ были такъ же безчеловѣчны,
 какъ и они сами. Славяне при поселе-
 ніи ихъ на сихъ берегахъ, и смѣшав-
 шись съ поморскими Финцами, про-
 мышлявшими наѣздами и грабежами
 по морю Варяжскому, они переняли у
 сихъ варварской ихъ промыслъ, и
 такъ же развѣзжали по морямъ для

грабительствѣ. А сіе самое упражненіе уменьшало или и совсѣмъ изпребляло въ глазахъ ихъ ужасъ и опращеніе къ прошивосеспешвеннымъ жершвамъ, поелику, по извѣспнымъ законамъ природы, привычка опъ усиленія дѣлаешя вшорюу напурою. Самому Свѣшовиду, богу крошкѣму и благошворному, дерзали приносипъ кровь челѣвѣческую; наконецъ, прибавимъ еще, что при закланіи какъ жившныхъ шакъ и людей, мечшали приносипъ въ жершву богамъ душу, кошорая у всѣхъ непросвѣщенныхъ народовъ полагаласъ въ крови; а посему кровь и была свашѣйшимъ пожершвованіемъ идолу.

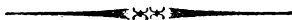
К о р с ъ. *)

Вошѣ и покровишель охопниковѣ до пива и мѣду. Нагой, одушловашой, вѣнокѣ на немѣ сплешенѣ изѣ жмелевыхѣ плѣшней съ листьями; перевязѣ на немѣ жмелевая же. Вѣ правой рукѣ держишѣ ковшѣ, изѣ кошораго хочешѣ пишь; во кругѣ него лежашѣ груди черепьевѣ отѣ разбишыхѣ кувшиновѣ; самѣ же сидишѣ на ушлой вверхѣ опрокинушой дномѣ бочкѣ. Славяне молились ему, выспуная на пьянспвенные поединки. Ибо вѣ древности не шолько у Славянѣ, но и вѣ цѣлой Европѣ шопѣ не малымѣ почи-

*) Такѣ же Хорсѣ, Корша и Коршѣ. Начально ковшѣ кажешся назывался коршѣ; ибо и до нынѣ вѣ Малороссіи уменьшительнo говоряшѣ, корчикѣ и корецѣ, индѣже и коршикѣ. Почему сему богу и дано имя отѣ орудія всего чаще имѣ употребляемаго вѣ пьянспвоаніяхѣ своихѣ.

стался богатыремъ, кто могъ перепить всѣхъ. Тогда, какъ въ наши вычищенные времена, пьянство не только не приносило стыда: но еще пошль долженъ былъ перпеть помянїе, кто или не пилъ, или не могъ пить много. Цесарь то же самое говоритъ о Германцахъ, что они пьяной напьюкъ, извѣстнымъ образомъ сваренной (пиво) пьютъ до излишества, и кто больше другихъ выпьетъ, пошль большую получаетъ честь. Но не сказали ли такъ же и Персы въ честь Александру, что онъ храбръ, прекрасенъ, уменъ и всѣхъ перепиваетъ? Сей порокъ у Грековъ долгое время (да едва ли еще и теперь) почитался добродѣтелью, или лучше похвалбою и молодечествомъ. Анакреонъ воспѣвая любовь, вмѣстѣ съ нею славилъ свои роги, изъ которыхъ прежде пивали, и въ видѣ сихъ самыхъ роговъ были

покалы, здѣланные изъ мешалла или дерева. Но наши предки, особенно воины, любили въ торжественныхъ пирахъ пить изъ череповъ убитыхъ ими злѣйшихъ ихъ враговъ, въ знакъ торжественствованія надъ оными. И сей обычай собственно не Славянской. Почти всѣ полупросвѣщенные народы, главнѣйшее упражненіе свое полагавшіе въ войнѣ, такъ поступали. Примѣромъ тому Цельшы (Дашчане), Норманцы (Шведы) и проч. Да и нынѣ обычай сей сохраняется у многихъ дикихъ народовъ.

Я с с а.

Божество Славянъ Полянскихъ и Гершовъ *).

П о з в и з д ъ.

Свирѣпый богъ непогодъ и бурь. Русской эпической поэщъ о немъ такъ говоритъ:

*) Ясса, Поревидъ и Гровъ, три божества, которыя всѣ входящъ въ составъ Славянскаго многобожія, но которыхъ опличительныя свойства и принадлежности, равно какъ и образъ служенія имъ, и другія касательно сего подробности не могли описать съ нѣкоторою вѣроятностію, за недостаткомъ письменныхъ о томъ показаній или изустныхъ преданій, я прохожу не сказавъ о нихъ ни слова; ибо я не взялся подспавлять искусственныя сплѣненія вымысла вмѣсто истиннъ болѣе или менѣ сомнѣнію подверженныхъ.

И Позвиздъ бурями, какъ ризою оде-
шой.

И вопль старинное о немъ понятіе:

— — — — —
 Съ браны дожди льютъ проливные,
 Изъ усть валяшъ шуманы злые.
 Тряхнешъ ли Позвиздъ волосами?
 Валишъ на землю полосами,
 Нивъ изстребишель, крупный градъ.
 Махнешъ ли хладною полою?
 Звѣзчатъ снѣгъ хлопьями валишъ.
 Лепишъ ли облачной спраною?
 Предъ нимъ предидешъ шумъ и свистъ;
 Полкъ вѣтровъ, бурь за нимъ несется,
 Взвѣвая къ небу прахъ и листъ;
 Столѣпный дубъ трещитъ и гнѣтся;
 Боръ клонится къ землѣ правою;
 Трепещутъ рѣки въ берегахъ.
 Крушится ль въ голыхъ онъ скалахъ?
 Свиститъ, реветъ, гулитъ, ярился.
 Ударитъ ли въ утѣсь крыломъ?
 Вздогнетъ гора; утѣсь валился;
 И въ пропастяхъ кашится громъ.

И такъ Позвиздъ имѣетъ видъ свирѣпый, волосы и бороду всклокоченную, епанчу долгую и съ крыльями на распашку. Ему, какъ и Виргиліеву Эолу, мѣспопребываніе должно дасть на высокихъ горахъ. Онъ имѣлъ близъ Кіева храмъ на полѣ: попому что суевѣріе думало, что эпопъ вымышленной и образованной съ дѣяціи природы богъ могъ залетать въ сей построенной ему поспоной домъ. Кіевляне распроспраняли власть его; они почитали его не только богомъ бурь, но еще и всякихъ воздушныхъ перемѣнъ, какъ добрыхъ такъ и худыхъ, полезныхъ и вредныхъ. Почему и просили о дарованіи красныхъ дней, и объ отвращеніи непогодъ, кошорья почитались находящимися подъ его властію и управленіемъ. А и шого еще върояшиѣ кажется, что они молили его не сполько о подаянніи

имѣ блага, сколько чѣмъ не причинялъ имѣ зла, по копорой самой причинѣ и всѣмъ вредоноснымъ богамъ воздавалось почипаніе. Въ Владимирѣадѣ Позвиздѣ такимъ образомъ похваляешся своею силой:

Я двигну облаки и воды возмушу,
Рѣками. дождь и градъ на землю низ-
пушу.

Мнѣ въ буряхъ къ свойственной свирѣ-
пости прибѣгну;

Я грады низложу, дворъ Царскій опро-
вергну.

Д о г о д а.

Вошѣ милое божество, прошивоположенное свирѣпому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, въ василько-

вомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ среброблещящей голубоватой одеждѣ, держащей въ рукѣ шипокъ, и улыбающійся на цвѣтш, лешя надъ оными и помавая имъ, естъ Славянскій богъ пріятнаго весенняго времени; шихій, прохладной вешерокъ, *Догода*. Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жершвовали цвѣтшами, пѣснями и плясками.

Зимшера *).

Подъ симъ именемъ предки наши почитали богиню весны и цвѣтш. Она имѣла свои божницы, и праздники ея

*) Зимшера такъ же. Но справедливѣе Зимшера, прогонительница зимы, занявшая мѣсто зимы, изгладившая зиму.

были въ мѣсяцѣ Цвѣшенѣ (Апрѣлѣ): пошому что въ южныхъ странахъ Россіи съ эшаго мѣсяца начинается весна. Сія богиня хошя и скрывается иногда, но въ свое время появляешся снова въ прежней своей молодости. Изображаешся она прекрасною дѣвицею, одеющею въ легкое бѣлое Русское платьѣ, подпоясанною поясомъ розовымъ, переплешеннымъ золошомъ: на головѣ у нее изъ розъ вѣнокъ; въ рукахъ держалилею, нюжаешъ. Грудь ея вся опкрыта; на шеѣ ожерельѣ изъ цукорей. Перевязь черезъ плечо цвѣшочная. Ей приносимы были въ жершву цвѣшны, кои собирая въ ковшницы, посшавляли предъ ея кумиромъ, равно какъ и капище въ ея праздники убиралось и усыпалось цвѣшами. Въ богиню сію, равно какъ и въ дары ея, всегда влюбленъ Догода.

Зимерзла *).

Богиня суровая, дышущая' холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобіе шубы изъ сопоканныхъ вмѣспѣ инеевъ. А какъ она царица зимы, шо порфира на ней изъ снѣга, изпканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяный вѣнецъ, унизанный градами. Богинѣ сей молились о умѣреніи ея жестокости.

*) Симаергла, Зимаерзла, Симаргла, Зимарзда, Зимерзла, слова означающія всѣ одно и шоже, ш. е. зиму и мерзнуть.

П Р Е И З П О Д Н І Е

ИЛИ

ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ.

Ч е р н о б о г ъ .

Ужасное божество, начало всѣхъ злоключеній и пагубныхъ случаевъ, Чернобогъ изображается облеченнымъ въ броню. Имѣя лице исполненное ярости, онъ держалъ въ рукѣ копьё гошное къ пораженію, или больше къ нанесенію всякихъ золъ. Сему страшному Духу приносились въ жертву сверхъ коней, не только плѣнные, но и нарочно ему предоспавленные для сего люди. А какъ всѣ народныя бѣдствія приписывались ему; по въ шаковыхъ случаяхъ молились и жертвовали ему для опшращенія зла. Сего

ужаснаго лжебога Г. Херасковъ такъ описываетъ:

Шумящъ оружіемъ приходилъ Черно-
богъ;

Сей люшый Духъ поля кровавыя оспа-
вилъ

Гдѣ варварствомъ себя и яростью про-
славилъ;

Гдѣ были въ снѣдъ звѣрямъ разбросан-
ны шѣла;

Между профеями гдѣ смерть вѣнцы
плела.

Ему коней своихъ на жерпву прино-
сили,

Когда Россіяне побѣдъ себѣ просили.

Сильный богъ, былъ богъ шѣлесной
крѣпости, мужества; Ледъ, богъ
войны, храбрости и военныхъ до-
блестей, богъ побѣдоносная славы.
Но сіе спрашное божество услаждалось
кровопролитіемъ и неистовствомъ.
Тѣмъ воздвигала жерпвенники благо-

дарность, какъ бы за низпосланные ими дары воинскіе, и молились имъ, прося дасть силу для защиты себя и опогнанія враговъ: но сему ужасному Духу сооружалъ храмы Спрахъ и Ужасъ. Его просили только объ отвращеніи зла, какъ онаго источникъ; но благости въ немъ не уповали найти, и не искали ея.

Изъ нѣкопрыхъ описаній видно, что храмъ его построенъ былъ изъ чернаго камня; испуканъ выкованъ изъ желѣза, предъ коимъ споялъ жертвенникъ для сожженія ему жертвъ. Помощь его храма, сказывающъ, былъ напоенъ кровію: что и вѣроятно, когда представляли его себѣ такимъ звѣрскимъ и кровопійственнымъ существомъ.

Н і й.

— — — зрю огненнаго Нія:

Въ немъ ада Судію бышь чаяла Россія.

Онъ пламенный держалъ въ рукахъ на
грѣшныхъ бичь.

Владимиріада.

Вложенное въ челоуѣка самую природою умопредсшавленіе безсмертія души, и надежда жизни по смерти, кошорой щасшливое или злополучное сосшояніе зависитъ опъ порочной или добродѣшельной насшоящей жизни, подало средспво всѣмъ народамъ къ вымышленію боговъ мспящихъ по смерти за беззаконія въ сей жизни учиненныя. Равно какъ проведеннымъ здѣсь жизнь свою благочесшиво, но гонимымъ люшымъ рокомъ безъ жалости, и спраждуищихъ невинно, награда угошоваемая имъ

въ будущей жизни состояла въ особенныхъ народомъ любимѣйшихъ удовольствіяхъ. Цельсійской рай богатырей или Валгалла услаждалъ рыцарской духъ угодниковъ своихъ воинскими играми или бисвами, на коихъ убишые при насупленіи обѣденнаго времени опять пробуждались отъ смершнаго усыпленія, и шли съ побѣдителями безъ всякой вражды за одинъ столъ, гдѣ угощали ихъ вкуснѣйшими изъ кабаньяго мяса приготовленными яспвами, и подчивали до избытка пивомъ; по окончаніи же обѣда возвращались снова къ рыцарскимъ своимъ упражненіямъ. Но нечеспивые всѣ были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существованіе ихъ исчезало.

Славяне полагали (по примѣру многихъ другихъ народовъ) мѣсто казни для беззаконниковъ внутри земли.

Судьею и исполнишелемъ казней опредѣлили имъ особеннаго неумолимаго и безжалостнаго бога Нія,

Имѣющаго свой вѣнутри земли пресполь,
И окруженнаго кипящимъ моремъ золь.

Владимирѣада.

Сей судія мертвыхъ почиался
такъ же насылашелемъ

— — — — — ночныхъ ужасныхъ привидѣній.

Владим.

Изъ успешныхъ преданій, оставшихся намъ въ старинныхъ сказкахъ, видно, что исшуканъ Чернобоговъ былъ выкованъ изъ желѣза. Пресполь его соспавлялъ краугольный камень изъ чернаго гранита высѣченый. Въ знакъ своего владычя, имѣлъ на головѣ зубчатый вѣнецъ, въ рукѣ свинцовой скипетръ и огневидный бичь.

Жертвовали ему не только кровью животных, но и человеческою, особенно же во время какихъ либо общесвенныхъ злоключеній.

С п р и б о г ъ.

Божество наказывающее беззаконниковъ въ преисподней и бичъ злодѣяній въ семь мѣрѣ. Онъ такъ же изнуритель всего видимаго, подобно Индѣйскому Сибѣ, или разрушителью, почти какъ богъ Животъ сохранитель сходствуетъ съ Индѣйскимъ божествомъ Вишну. Его мести предавались заслужившіе проклятіе.

Яга Баба.

Это очень злая, спарая и мощная колдунья или волшебница; видъ у нее спрашной. Она не сполько въ адѣ живешъ, сколько на эпомѣ свѣтѣ. Домъ ея избушка на курьихъ ножкахъ, споишъ и сама повершывается. Древнѣе наши богатыри всегда ея наживали лежащею на лавкѣ; носъ ея висипъ черезъ грядку (шеспъ въ избѣ для вѣшанья укрѣпленной). Сія спарая колдунья не пѣшкомъ ходипъ, но развѣзжаешъ по бѣлу свѣшу въ желѣзной стуль *) (ш. е. колесницѣ самокаш-

*) Ступа отъ ступашъ, какъ бы самоходъ: ступа же въ спарину называлась можжалъ; песпъ же, кажется, произошелъ отъ слова пясъ, ш. е. кулакъ или пылесня, (откуда пыль снушъ значитъ въ простонарѣчьи ударипъ кулакомъ) какъ бы пясное оружіе; точно какъ и палица получила свое начало отъ палъ, въ уменьшительномъ палецѣ (отъ чего образовалось слово палишъ, ш. е. пронупъ пальцомъ или паломъ собачку).

[Срв. Труды И. Росе. Академіи
ч. V (1842), стр. 161]

ной): и когда она въ ней прогули-
 ваешся, то понуждаешъ оную бѣ-
 жашъ скорѣе, ударяя желѣзною же
 палицей или пестомъ. А чшобъ для
 извѣспныхъ ей причинъ не видно бы-
 ло слѣдовъ ея, то замешаюшся они за
 нею особенными къ спупъ придѣлан-
 ными мѣломъ и помеломъ.

К и к и м о р а.

Богъ сна и ночныхъ привидѣній. Ихъ
 предшавляли себѣ множество; а по
 сему и можно ихъ почешъ за служи-
 шелѣй и пословъ Нѣевыхъ. Произхож-
 деніе имъ даюшъ опъ рода человѣче-
 скаго: они живушъ шакъ же и въ до-
 махъ; прешолюдины вѣряшъ, чшо

они по ночамъ въ пошемкахъ пры-
душъ, и хошя ихъ самихъ и не лъзя
видѣшь, но ушверждаюшъ, что слыш-
но движеніе верешена. Въ самомъ же
дѣлѣ, или кошка въ шо время курны-
читъ, или червяки почашъ дерево,
либо ползаюшъ шараканы. Впрочемъ
сіи Духи не опасны: они ни кому не
причиняюшъ зла, хошя иногда и без-
покояшъ, однакожъ не сполько какъ
Домовые, кшпорыхъ протшой народъ
щишаешъ самыми безпокойными про-
казниками. Кикиморы, по мнѣнію
шонкихъ въ сей маперіи знашоковъ,
сущъ рода женскаго, и ошъ сообщенія
сѣ домовыми Духами продолжаюшъ и
свой и послѣднихъ родъ. Въ домахъ
живушъ они будучи шуда посланы на
урочное время; но опечесшво ихъ
преизподняя,

ВОДНЫЕ БОГИ.

ЦАРЬ МОРСКОЙ.

Владычество надъ морями препоручили идолопоклонствующіе Славяне особенному божеству, назвавъ его Царемъ морскимъ. Будучи сполько же древенъ какъ и самое море, имѣенъ вѣнецъ изъ морскаго папоротника; разбѣзжаешъ по морямъ въ раковинѣ везомой морскими псами: въ одной у него рукѣ весло, знакъ укрощенія волнъ, въ другой же острога, знакъ ихъ возбужденія. Обищалище его во глубинѣ океана, гдѣ черпоги и пресполь такъ изображены Г. Ломоносовымъ:

Въ недосязаемой отъ смертныхъ
сторонъ,
Между высокими, кремнистыми го-
рами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣ-
лями,

Покрытый золотымъ пескомъ про-
сперся долъ:
Столпы во кругъ его огромные кри-
сталлы,
По коимъ обвились прекрасные ко-
раллы.
Главы ихъ сложены изъ раковинъ ви-
шыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ
шучь густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая
буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ
бугры;
Уборы внушрени покровъ черепокож-
ныхъ
Безчисленныхъ звѣрей во глубинѣ воз-
можныхъ.
Тамъ прокъ жемчугами усыпанный
янтарь,
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ
подобный Царь.

Въ заливы, въ окоеиъ десницу проспир-
раешъ,
Сафирнымъ skipепромъ водамъ по-
велѣваетъ.
Одежда царская, порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ
пронъ.

Петріяда.

Его особенно чтили приморскіе Сла-
вяне, Варяги, т. е. морскіе набѣзники,
умоляя о щасливомъ по волнамъ пла-
ваніи.

Ч у д о М о р с к о е .

Служитель и вѣспникъ Царя морскаго. Оный кажешся бышь совершенно подобенъ Тришону Грековъ.

П о л у д у х и .

Сіе общее названіе даю я такимъ мечшаемымъ сущесшвамъ, коихъ воображали себѣ ни совѣмъ безшѣлесными, ни шѣлесными, и кои какъ бы въ своихъ спихтіяхъ обипали, иные же въ лѣсахъ, въ рѣкахъ, въ омушахъ и проч. Они сущь:

ЛѢШЕ, обипатели и хранители лѣсовъ. Сіи особливаго свойсшва. Когда идушъ по лѣсу, шо равны съ лѣсомъ; когда же по шравѣ, равны съ шравою: а иногда являющся они людемъ въ образѣ человѣческомъ.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или ДѢдушкѣ живущъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, гдѣ имѣющъ великолѣпныя дома. Они уносящъ купающихся по нѣмъ мѣстамъ людей, особливо же мальчиковъ, коихъ и пріучающъ жить у себя въ домахъ; а сіи въ послѣдствіи времени заступающъ сами мѣсто сихъ ДѢдушекъ. Равно какъ и Лѣшіе уносящъ молодыхъ дѣшей, и воспилавъ ихъ въ своихъ лѣсныхъ обителяхъ, дѣлающъ по себѣ преемниками.

ДОМОВЫЕ, кои живущъ въ домахъ и дворахъ. Ежели въ кошоромъ дому Домовой полюбитъ хозяина, то кормитъ и хоитъ его лошадей, о всемъ печется, и у самого хозяина бороду плешетъ въ косы. Чей же домъ не полюбитъ, шамъ разоряетъ хозяина въ корень, переводя у него скопъ, безпокая его по ночамъ, и ломая все въ домѣ.

РУСАЛКИ, полудужи женскаго рода. Живущь оци обыкновенно въ рѣчкахъ, изъ которыхъ часнѣо выходящъ въ красную погоду на берегъ, гдѣ сидя, чешущь свои зеленые волосы гребнемъ; но лишь запримѣющь кого либо идущаго, тотчасъ бросающя на дно ручьевъ.

Б о г а ш ы р и.

Они почишаемы были не какъ боги, но какъ люди, одаренные предъ прочими вышшими дарами неба, или какъ у Грековъ ихъ полубоги. Таковыя были:

В О Л О Т Ы.

Исполины непомѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно,

что сверхъ силы, имѣли они еще даръ неуязвимости. Впрочемъ замѣтишь должно, что древніе Славяне подъ именемъ Волоповъ разумѣли Римлянъ. Слава силы и могущества Римскаго народа, предспавила ихъ воображенію оныхъ великанами; а пошому и надѣлали себѣ изъ Римлянъ особенныхъ великорослыхъ непобѣдимыхъ существъ.

ПОЛКАНЪ.

Такъ же богатырь, но шолько чуднаго шѣлосложенія. Онъ до половины былъ мужъ; а опъ пояса до низа конь. Бѣгалъ крайне бышро; облеченъ былъ въ лашы; сражался спрѣлами. Кажешся что многіе были Полканы.

СЛАВЯНЪ.

Князь Славянъ, братъ Вандала, пошшался полубогомъ. Ему приписыва-

ли силу, мужество и храбрость чрезвычайныя. Онъ по прибытіи съ своимъ родомъ и Славянами поспроилъ на рѣкѣ Волховѣ городъ Славянскъ; по разореніи коего Варягами, чрезъ нѣсколько времени снова былъ сооруженъ, но уже подъ именемъ *Дѣшинца* *); по разрушеніи же *Дѣшинца*, воздвигнушъ былъ на его мѣсто *Новъ-городъ*.

ВОЛХВЪ съ братьями.

Волхвъ съ братьями Волховцемъ и Рудопокомъ были дѣши Славена, всѣ

*) Такъ названнаго отъ дѣшины или мальчика: заложивши Славяне городъ, пишешъ нѣкопорый Новгородскій Лѣтописецъ, не могли согласиться между собою, какое дасть ему имя; почему и положено было на вѣчѣ названъ городъ по имени того, кто первый идучи по опредѣленной дорогѣ попадется. И пакъ, принесши жертву и обѣщы богамъ, посланные опправились въ путь, и возвратясь на другой день къ собранному градоначальству, представили ему мальчика (древ. *дѣшинецъ*), котораго они прежде всего встрѣшили: почему и дали городу названіе *Дѣшинца*.

шрое богатыри. Но Волхвѣ былъ великой волшебникъ. Онѣ не только разбѣзжалъ по рѣкѣ Волхову, шакъ по имени его названной, а до того именованной рѣкою Мушною, и по Русскому морю, но даже плавалъ для добычи и въ Варяжское морѣ. Когда же онѣ былъ въ Славянскѣ, то при приближеніи непріятелей, оборачиваясь въ великаго змѣя, ложился опѣ берега до берега поперегъ рѣки, и тогда не только ни кто не могъ проѣхать по оной, но даже и спастись не было возможности.

Озера: ИЛЬМЕРЬ и СТУДЕНЕЦЪ — РѢКИ: БУГЬ и ДОНЬ

были обожаемы на
ровнѣ съ прочими божествами.
Имъ посвящены были огромнѣйшіе по
берегамъ черные лѣса, куда подъ
смертною казнію не только не оп-
важивался заходить стрѣлокъ или
пшицеловъ для своихъ промысловъ, а
рыбакъ опнюдь не дерзалъ ловить
рыбу, но и самую воду не иначе дозво-
лялось изъ нихъ черпать береговымъ
жишелямъ, какъ чшобъ шо были
чисшо убранныя въ цвѣшныя одежды
молодыя дѣвы, копорыя брали воду
съ благоговѣніемъ и глубокимъ молча-
ніемъ. Сіи красныя молодицы вѣрили
чшо священные лѣса преисполнены не
скромными Духами, копорые всякое
громкое слово, какъ знакъ неуваженія
къ божеству, переносили блюшпше-

лямъ языческой религїи, а крошкѣе вздохи любви нашепывали въ уши любовниковъ ихъ. Въ жертву имъ приносился предпочтительнѣе пучный волъ по цвѣту водъ, когда онъ ужаснымъ ревомъ волнъ своихъ и завываніемъ свирѣпыхъ вѣтровъ наводили ужасъ на людей, предрѣкавшихъ себѣ изъ того пагубу. Храмовъ въ честь обоженныхъ рѣкъ и озеръ древнїе Славяне не строили; но священнодѣйствїя опправлялись обыкновенно на берегу. Великолѣпнѣйшія шоржествованїя производились весною, когда воды, разрушивъ зимнїя свои оковы, являлись изумленнымъ обожателямъ своимъ въ полномъ величїи. Народъ падалъ ницъ. Моленїя начинались. Погружали людей въ воду съ великими обрядами; эншузіасмы же религїи въ жару усердїя своего добровольно попились въ священной рѣкѣ или озерѣ изъ

благоговѣнїя. Опрывки уцѣлевшіе до насъ изъ старинныхъ рукописей и проспонародныхъ пѣсенъ въ честь водныхъ божествъ, подтверждающъ сказанное мною здѣсь, а Ломоносовъ думаетъ, что Славяне и самое названїе Бога произвели отъ священной рѣчки Буга.

К О Н Е Ц Ъ.

Храмъ Свѣшвида.

Мерцана еще покоилась въ объятіяхъ Царя водъ; Часы сперегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и присноюный Свѣшвидъ на златомъ ложѣ покоился въ объятіяхъ Триглы, какъ Рурикъ съ Олегомъ восходящъ на освященной холмъ, гдѣ возносишся храмъ Свѣшвида. Храмъ величественный и доспойный бога, славимаго въ немъ! Первосвященникъ Свѣшвидовъ, Боговѣдъ, сопуществующий жрецами, грядетъ ему во срѣщеніе. Рурикъ приспущаетъ ко вратамъ храма; но удивляется, видя ихъ зашворенными. „Они не могушъ бытъ опверсны, говоритъ Боговѣдъ, доколѣ первые лучи солнца не ударяшъ въ лице бога; и тогда гласъ трубный возвѣститъ присушствіе его. Когда же послѣдній лучъ сойдетъ съ лица Свѣ-

швидова, гласъ заунывнаго рога и глухаго бубна возвѣщающѣ о сокрытїи отъ насъ благошворнаго свѣшила. День мрачный въ нашихъ законахъ равенъ нощи.“ — Ночь была свѣшлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сїяешъ.

Князь, въ ожиданїи первыхъ на обзоръ *) лучей, пошелъ ~~вокругъ~~ храма, желая осмопрѣшъ его. Съ долу онъ казался ему не великъ; но Рурикъ удивился, нашедши его огромнымъ. Онъ былъ окружностїю въ 1460 шаговъ. Двенадцать огромныхъ яшмовыхъ сполповъ Коринескаго чина поддерживали навѣсъ его кровли; оглавїя ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и двенадцать вратъ его заключались мѣдными зашворами. При каждахъ дверяхъ

*) Изъ смысла видно, что чрезъ сїе слово древнїе разумѣли горизонтъ.

спояли два жреца съ трубами. На мѣдныхъ врапахъ изображались двенадцать знаменимыхъ добраго бога подвиговъ: какъ для пользы нагихъ людей онъ произвелъ овна, кошорой въ то же мгновеніе успремился къ нимъ, да предложивъ имъ свою волну; какъ, усмиривъ вола неукропимаго и давъ имъ во служеніе, изобрѣлъ для нихъ плугъ и всѣ земледѣльческія орудія; какъ сражается и побѣждаетъ Чернаго бога, похипившаго чадо его, близнецовъ Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадо Чернобога, какъ оно, обратившись въ великаго рака, хочетъ похипитьъ Солнце; но опаленное жгущими его лучами, упадаетъ — и сильнымъ ударомъ своего хребта *разбрызгиваетъ* какъ каплю шекучій Волховъ, и здѣлавъ въ землѣ опверсшіе, производитъ море Русское. Здѣсь ужасный левъ, съ мѣднымъ

хвостомъ и алмазными зубами, похищаешъ у Велеса скопъ, и сего бога приводишъ въ шрепешъ; но Свѣшповидъ разишъ его единымъ ударомъ злашаго *самосѣка*, беретъ хвостъ его (изъ коего родились полозы) и зубы, и помѣщаешъ на небѣ, гдѣ донынѣ видимъ ихъ и называемъ львомъ. Тупъ изображена любовь его съ прекрасною Триглавою, и перзаніе Чернобога, влюбленнаго въ нее. Свѣшповидъ, играя на гусяхъ, поешъ ей нѣжные стихи; она его вѣнчаешъ васильковымъ вѣнкомъ, а вокругъ ихъ пляшутъ Зимцерла, Лада, Сѣва и Мерцана. Румянощекая Дидилія, съ распущенными златиспшыми волосами, въ алой легкой ризѣ, подносишъ имъ въ алмазной чашѣ златый небесный медъ, пише боговъ. Леля, сидя подлѣ гуслей, слушаешъ и лукаво улыбаешся. Дидо, взвившись на воздухъ, пускаешъ тяжелыя стрѣ-

лы въ Чернобога. Бѣлѣ-богѣ, носяся надъ ними на облакѣ, пріятно усмѣ-
жаешся. Тамъ Перунѣ держишь ве-
ликіе вѣсы, ниспущенные имъ съ неба
для рѣшенія жестокой распри между
Бѣлбогомъ и чадами его, и между Чер-
нобогомъ и чадами его, когда начина-
лась между ими жестокая брань, дол-
женствовавшая разрушити мѣръ; ког-
да Ній въ несповспѣвѣ попрысалъ зем-
лею, извергая изъ нее пламя, — Чудо
Морское колебало берегами, и Яга,
дщерь Чернобога, вооруженная желѣз-
ною палицею, развѣзжала на крыла-
той своей колесницѣ, и сбивала съ
мѣстъ горы. Но великій Перунѣ же-
лалъ примирити ихъ и послалъ едину
изъ служащихъ ему Молній, да возвѣ-
спитъ волю его. Тогда родъ Бѣл-бога
возсѣлъ въ единую чашу вѣсовъ, а родъ
Чернобога въ другую. Перунѣ поднялъ
вѣсы, и чаша съ Чернобогомъ возне-

слась выше темныхъ облаковъ; но чаша съ чадами Бѣлбога оспалась на земли. — Въ другомъ мѣстѣ видно было, какъ Свѣшовидъ поразилъ великаго Скорпіона, когда сей похишилъ его дочерь Зимцерлу, оплакиваемую Дажбогомъ. Ній, зря его, опъ спраха сокрылся, и Свѣшовидъ возвратилъ Дажбогу его сеспру и супругу. Но злобный Ній, опмщая ему за сіе, низпустилъ на землю ночь, люшыя мразы, снѣги, мяшелицы. . . Свѣшовидъ, поразивъ всѣхъ ихъ злыми спрѣлами, прогналъ назадъ въ обласъ Нія. Ній, пылая еще прошивъ него гнѣвомъ, послалъ домоваго духа, да умертвитъ любимыхъ его коней; но Свѣшовидъ создалъ сребророгатаго и волносребристаго смѣлаго козла, и пустилъ для истребленія сего духа. — На десятихъ дверяхъ изображенъ богъ свѣшпаліющій съ горъ, изъ злыхъ водоно-

совѣ, обильную воду, ошѣ кошорой прѣмлюшѣ начало рѣки: Волга, Днѣпрѣ, Двина, Донѣ и славное озеро Ильмень. Онѣ населяешѣ ихѣ рыба-ми, пуская каждого рода по двойцѣ. Завидуя сему, Морской Царѣ послалѣ кша пограшѣ ихѣ; но Сприба по-разилѣ его тогда же изобрѣшенною оспрогою, и вынувѣ, положилѣ на помѣ мѣшѣ, гдѣ сноитѣ храмѣ Свѣшповидовѣ; жолмѣ соспавился изѣ кшова праха. — Таковы были изображенія на дверяхѣ. Храмѣ сооруженѣ былѣ изѣ свѣшпосѣраго дикаго камня. Свѣсы ошѣ спѣсны до сполповѣ измѣ-рялись двумя большими шагами, имѣя шесть спупеней восходу. Кровля, полушаромѣ, соспояла изѣ вызолоченной мѣди. Посреди ея споялѣ мѣдный позолоченный испуканѣ Свѣшповида; по краямѣ, на чешыре спороны, поспавлены были чешыре испукана,

изсѣченные изъ бѣлаго мрамора. На
воспокѣ испуканѣ Мерцаны, богини,
власпвующей надъ началомъ дня и
предшешвующей всегда Солнцу, до-
чери Дажбога и Зимцерлы, богини ве-
ны, супруги Царя Морскаго; ея долж-
ность была отверзать Свѣшовиду вра-
та небеснаго дому его, когда онѣ по-
казывался въ мѣрѣ. Свѣшовидѣ для
опличія даровалъ ей вѣнецъ изъ еди-
ныхъ звѣзды; и риза ея златобагрна.
Радость всегда блиспала на румя-
ныхъ ея ланипахъ, и она въ пирахъ
подносила богамъ небесный медъ. Мер-
цана, равно какъ и Свѣшовидѣ, прис-
ноюна. На югѣ посшавленѣ былъ
испуканѣ Купалы, сына Мерцаны и
Сѣвы. Онѣ имѣлъ видѣ молодаго чело-
вѣка, въ корошкой и легкой одеждѣ.
Огонь плодшворенія пылалъ въ его
очахъ; чему шолько касался, все рож-
дало: не шолько звѣри, скошы, рыбы

и гады, но даже дерева и травы. Онъ имѣлъ обипалище на югѣ. Жершвовали ему возженіемъ шолько прущевѣ, съ пѣснями и плясками: чѣмъ изображались огнь плодотворный и веселость. Въ ногахъ у него кроликъ; въ рукѣ пламенѣющей огонь; на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, именуемыхъ по его имени *жулальницами*. Догода, братъ его, ешь изъ всѣхъ боговъ любезнѣйшій, кропчайшій и прекраснѣйшій. У него развѣвajúшся по плечамъ волосы: вѣнокъ изъ шиповъ; за плечами голубыя крылья, и риза на немъ шонкая голубая. Улыбка всегда на румяномъ его лицѣ. Онъ шоль всѣми любимъ, чшо смѣло цѣлуешъ самую Ладу; въ рукахъ у него опахало. Свиръпаго Позвизда испуканъ споялъ на сѣверѣ. Лице его въ морщинахъ и сердипо. Голова окупана лоскушомъ кожи бѣлаго медвѣдя; борода замерзлая;

одежда изъ оленьей кожи; ноги обушны въ кожу гагачью. Въ рукахъ держалъ онъ мѣхъ, въ гошовѣсши развязашъ его для изліянія морозовъ, бурь, снѣговъ, градовъ, дождей и непогодъ. Онъ считался богомъ всѣхъ вѣтровъ. Повѣсвуюшъ, что жилище его есшъ на краю сѣверномъ, на горахъ Скандинавскихъ, гдѣ онъ имѣешъ свой престолъ, и гдѣ у него множесшво дѣшей, подобно ему жестокихъ. Сей богъ, будучи сынъ Сильнобога, увеселяешся воздымая бури, попопляя корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Онъ пребуешъ почаспу себѣ въ жертву людей. — Таковы были чешыре испукана, споявшіе на кровлѣ храма. На холмѣ же разспавлено было соразмѣрнымъ образомъ до шрежъ сошъ пшпидесшши шреугольныхъ жершвенниковъ.

Между шѣмъ какъ Рурикъ раз-

смаширивалъ и вопрошалъ Боговѣда о значеніи видѣннаго имъ, раздался гласъ трубъ ошъ двенадцати вращъ, и враща ошверзлися. . .

Великій первосвященникъ Боговѣдъ вступилъ во враща западныя, одному ему предназначенныя для входа. — Рурикъ съ Олегомъ входящъ въ храмъ чрезъ враща воспочныя, и божественный спрахъ обѣмлетъ ихъ душу: они зрящъ лице Свѣшоваида сіяющее яко мѣдъ въ горнилѣ. Великій первосвященникъ — по обыкновенію одѣшый въ чешыре шонкіе жишона, одинъ другаго длиннѣе: въ багрянный, зеленый, желшый и бѣлый; въ опоясаніи, на коемъ искусно вышисы двенадцашъ подвиговъ Свѣшоваида; въ злашомъ вѣнцѣ, украшенномъ семью драгоцѣнными камнями — держалъ въ рукѣ злашую чашу, исполненную чистѣйшаго виннаго духа. Двенадцашъ окружаю-

щихъ его жрецовъ держали великую сребряную лажань, у коей были при разные ноги: одна на подобіе орла, другая вола, и прешія киша. Прочіе жрецы соспавляли семь поющихъ ликовъ и двенадцать ликовъ въ трубы и роги трубящихъ и бьющихъ въ бубны, и чешыре лика на струнахъ и гусляхъ играющіе. Тогда великій первосвященникъ, подшедь къ престолу, спалъ на колѣна, и вознесши злашую чашу, чиналъ молитвы; послѣ прикоснулся чашею къ рогу, находящемуся въ рукѣ Свѣтловида: духъ винный воспылалъ, и попрысалися своды отъ гласа трубъ и роговъ, отъ звука бубновъ, отъ звона струнъ, гуслей и орудій, и отъ гласовъ пѣвцовъ, восклицавшихъ: *слава!* Между пѣмъ Боговѣдъ поднесъ пылающую чашу Князю, кошорый, принявъ ее, излилъ въ сребряную лажань — и взвилось предъ бо-

гомъ лазуревое пламя жертвы благо-
угодной. И тогда семь ликоевъ, ходя
кругомъ единъ по единому, предводи-
мые первымъ пѣсношворцемъ, шако
воспѣли:

Первый ликъ и оборошъ.

Ясенъ мѣсяцъ во полуночи,
Звѣзды ярко блестятъ ношью;
Мѣсяцъ сребритъ воды темныя,
Звѣзды злапшя небо синее;
Только грѣтъ одно солнце ясное.

Второй ликъ и оборошъ.

Грѣтъ оно и пишаетъ насъ;
Позвиздъ его устрашаетъ;
Взглянетъ — Зимерзла бѣжитъ отъ
глазъ, —
И Зимцерла къ намъ спускается.
Какъ благодѣтельно для насъ оно!

Трешій ликъ и оборошъ.

При воспокѣ его видѣшь радостно:
Когда на обзорѣ появляешся,

Дверь злая погда отверзается
 Велелѣпныхъ чершоговъ его.
 Онъ изъ шерема идешь високаго,
 Изъ високаго, изъ небснаго,
 Какъ могучій вишязь съ побѣдою.
 Свѣшвидъ! мы шебѣ покланяемся!

Четвертый лихъ и оборотъ.

Какъ адѣсь вся шварь весела,
 Вспрѣшпивъ опца и царя!
 Главы подѣемлютъ древа;
 Освѣжились цвѣшокъ и права;
 Пшички порхають, поють,
 Славу и честь воздають,
 Имя швое вознося.

Пятый лихъ и оборотъ.

Отъ радости трепещуть
 Поля спеклисшыхъ водъ;
 Лды свѣшлы искры мещуть,
 Узря его приходъ. . . .
 Ему лѣсь покланяешся,
 Сырѣ борѣ къ землѣ преклоняешся;

Листьевъ вътрѣ не шевелишь,
И дуброва не шумишь;
Рѣкъ пороги лишь гласишь:
„Великъ, великъ Свѣповидъ!“

Шестой ликъ и оборотъ.

Боги велики; но спрашенъ Перунъ!
Ужасъ наводитъ тяжела стопа,
Какъ онъ, въ предшесствіи страшной
грозы,
Мракѣмъ одѣянъ, вихрьми повисъ,
Грозныя пучи ведетъ за собою;
Спустишь на облакъ — огонь изъ-подъ
стопа;
Ризой махнетъ — побагровѣетъ твердь;
Взглянетъ на землю — препещетъ земля;
Взглянетъ на море — пѣной кипишь;
Клоняпся горы былинкой предъ нимъ.
Страшный свой гнѣвъ ты ошь насъ
отврати! . . .
Бросивъ горсть града во тысящу мѣрѣ,
Только спунилъ, ужъ за тысящу
верспъ;
Лишь ошь пашы его облакъ зардѣлъ,

Сильна стопа гуль глухой издала
 (Онъ землю и море попрясь!)
 И се послѣдня сверкнула пола! . . . .
 Тихій, любезный Свѣповидъ! возвра-
     пился,
 Насъ безпомощныхъ и сирыхъ утѣшь!...
 Мило, какъ онъ ослабляется намъ,
 Шеспвуя въ бѣдствахъ утѣшишь лю-
     дей.

Седьмой ликъ и оборотъ.

Почишаемы небожипели
 За ихъ доблести и могущесіво;
 Но всѣхъ доблестей превосходнѣе
 Добродѣшель съ милостью, съ кропо-
     спью;
 Въ милосердіи всемогущесіво,
 Всемогущесіво Свѣповидово.
 Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
 Предъ шобою мы повергаемся! —

Х о р ь.

Только грѣетъ одно солнце ясное.
 Какъ благодѣтельно къ намъ оно! —

Свѣшвидѣ! мы тебѣ покланяемся,

Имя твое вознося.

Коль великъ, великъ Свѣшвидѣ,

Шествуя въ бѣдствахъ упѣшишь лю-
дей!

Царю звѣздѣ, тебѣ покланяемся,

Предѣ побою мы повергаемся!

Посемь двенадцать ликовъ, играющихъ на трубахъ, рогахъ и бубнахъ, окружили внутренность храма, воспѣвая въ честь Свѣшвида торжественныя пѣсни.

Скончалось громкое трубоблаженіе, и вошли чешыре младыя дѣвы; у каждой въ рукахъ по кошницѣ. Одна была въ багряномъ плащѣ, имѣя чрезъ плечо голубое препоясаніе; голова убрана споліспвенными шипками. Другая въ зеленомъ, имѣя перевязь красную, на головѣ вѣнокъ изъ миршовъ; прешія въ златоцвѣшномъ,

имѣя вѣнокъ изъ класовъ и багровую перевязь; четвертая въ бѣломъ платьѣ, въ серебряномъ увяслѣ (дѣдимѣ), перевязь золошная. Первая, спавъ на колѣна, и вынувъ изъ кошницы цвѣшны, разсыпала ихъ предъ Свѣшвидомъ; другая предложила разные плоды; третья класы и виноградъ; четвертая златый вѣнецъ. Вскорѣ струнное играніе и пѣніе началось, и каждый ликъ сперва игралъ особенно, и каждая дѣва особенно предъ Свѣшвидомъ плясала; потомъ всѣ чешырелика соединясь играли пѣсни, и чешыре дѣвы плясали.

Лице Свѣшвида спановилося свѣшлѣ; по окончаніи пляски испуканъ поколебался. Первосвященникъ, двенадцать жрецовъ, ликовспвующіе, пѣвцы, игратели, трубогласители, предстоящіе пророки и шворцы пали на землю; и тогда рекъ Свѣшвидъ:

Имя пвое еспь отъ запада и до вос-
шока,

И отъ предѣль моихъ къ сѣверу пвой
еспь предѣль;

Слава пвоя да наполнишь вселенную;
Яко песокъ на берегу, шако племя
пвое;

Тысящью лѣшь изочшу я пвой вѣкъ;
И да поклонится всякій шебѣ чело-
вѣкъ!

Пѣсношворцы собрали глаголы сїи,
написали на злашой дскѣ и вручили
Рурику; онѣ, прочитавъ ихъ, оп-
далъ для исполкованїя пророкамъ.

Тогда лице Свѣшовида ушрашило
сїянїе, и лики возгласили опшешствїе
его на трубахъ, рогахъ и бубнахъ.
Щедрый и набожный Рурикъ велѣлъ
на всѣхъ жершвенникахъ принести
Свѣшовиду по бѣлому волю, и жерш-
венныя мяса раздѣлишь войску и наро-
ду. — Олегъ шешшвовалъ исполнишь

сіе; великій же Князь съ Боговѣдомъ пошелъ въ чертогъ свой, для собесѣдованія съ первосвященникомъ о всемъ видѣнномъ, и для свѣдѣнія опъ него сущности вѣры Славянъ.

К О Н Е Ц Ъ.

